Цена 20 коп.
Индекс 72996

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА
7 (924)
ISSN 0132-2141

Мих. КАЗОВСКИЙ

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ!

Дружеский шарж И. МАКАРОВА.

БРАЧНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ,
которое дал бы Мих. Казовский,
если бы захотел жениться при помощи газеты

«...Молодой, подающий надежды крокодилец, автор веселых пародий, рассказов и пьес, ищет спутницу жизни, в которой было бы все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. О себе может сообщить такие характеристики.

Рост 174. Вес 72. Размер шляпы 57. Шатен, глаза карие. Умеет свободно печатать на машинке и разговаривать на двух иностранных языках при помощи словаря или переводчика. Не умеет ездить на мотоцикле, играть на электрогитаре и драться приемами каратэ. И вообще очень тихий, домашний, ручной. В женщинах ценит красоту и порядочность, в мужчинах — порядочность и великодушие. Работает. Зарабатывает. Не жалуется. В связях, порочащих его, не замечен...»

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА № 7

Мих. КАЗОВСКИЙ

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ!

Пародии, дружеские шаржи,
одноактная комедия

Рисунки Г. ОГОРОДНИКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1983

АВАРИЯ

заявка на киносценарий

Предлагаю вниманию киностудий творческую заявку на создание художественной кинокартины под условным названием «Авария». Само собой разумеется, ее целиком и полностью можно отнести к серии «фильмы катастроф». Однако если в заграничном кино подобного рода поделки раскрывают человека с низменной, деградирующей стороны и где-то даже кое-что обнажают, то в моей ленте трагические обстоятельства, в которых оказываются главные герои, служат лишь поводом для проявления их благородства, мужества, честности и бескорыстия. Это будет подлинный гимн Человеку, его Душе, Уму, Сердцу и прочим жизненно важным органам.

Действие происходит в лифте. В обычном скоростном лифте обычного нашего небоскреба, которые уже начали строить в наших городах и деревнях. Совершенно случайно сюда попадают шесть человек (согласно грузоподъемности), шесть рядовых граждан. Это летчик гражданской авиации Буров — уже немолодой, но все еще очень и очень, одинокая учительница четвертых — восьмых классов Маргарита Сергеевна, молодожены Люся и Вася (она медсестра и учится заочно, а он спортсмен-разрядник, поэтому заочно не только учится, но и работает), а также выпускник сантехнического ПТУ Шпунтиков и швея-мотористка Зойка, в любую минуту готовая стать матерью. Все они садятся в кабину и едут — каждый по своим неотложным делам.

© Издательство «Правда». Библиотека Крокодила. 1983 г.

И вдруг происходит авария. Замыкаются два случайно оголившихся провода. Лифт застревает между десятым и одиннадцатым этажами, проводка вспыхивает, начинается пожар.

Конечно, герои пресловутого западного кинематографа тут же поддались бы панике. Они стали бы сводить личные счеты и перегрызли бы друг друга, как пауки в банке. Однако мои герои не таковы. Правда, и по их лицам в первый момент пробегает гримаса отчаяния. Стискивает могучие коренные зубы Буров. Сильнее прижимает к еле заметной груди тетрадки с сочинениями Маргарита Сергеевна. Обнимаются молодожены Люся и Вася, закрывает глаза Шпунтиков, прикусывает губу Зойка. Но тут же они заставляют взять себя в руки. Шпунтиков при помощи разводного ключа выламывает одну дверцу и, высунувшись из лифта, пытается зубами оторвать от стены горящую проводку. Ему это не удается. Медсестра Люся делает обгоревшему Шпунтикову экстренное переливание крови. Причем донором служит ее молодой супруг Вася.

— Моя очередь! — жестко говорит Буров.

— Берегите себя! — смотрит на него влюбленными глазами Маргарита Сергеевна.

— Как получится,— произносит летчик и вступает один на один в бой со стихией. Выбравшись на крышу кабины, он принимается сбивать огонь собственным кителем. Когда китель полностью обгорает, Буров тушит пламя сначала снятыми брюками, а затем рубашкой, галстуком и левым ботинком. При этом шнурком от ботинка он случайно повреждает водопроводную трубу, проходящую тут же. Водный поток, прорвавшись наружу, быстро гасит огонь. Но и смывает Бурова с крыши кабины. Медсестра Люся делает летчику экстренную трепанацию, причем кровь ему снова отдает спортсмен Вася.

В лифте — наводнение. Вода прибывает все быстрей и быстрей. Высоко поднимая над головой тетрадки с сочинениями, чтобы они не промокли, Маргарита Сергеевна доплывает до щитка управления лифтом и соединяется по громкой связи с лифтером-диспетчером. Она сообщает ему об аварии. Диспетчер молниеносно вызывает спасательную команду. Через несколько минут узники лифта оказываются на свободе.

Вот выходят они на лестничную площадку — измученные, но непобежденные. Весело подмигивает Шпунтиков. Устало улыбается Буров, держа под руку счастливую Маргариту Сергеевну с уцелевшими сочинениями. Швея-мотористка Зойка покачивает своего первенца. Люся выводит из лифта побледневшего, но по-прежнему бодрого Васю — он отдал остатки крови роженице. «Что ж вы сразу-то со мной не связались? — спрашивает их диспетчер.— Мы бы вам в момент подсобили!» Но герои фильма не отвечают. И мы знаем, что на их месте так поступил бы каждый.

МАННАЯ КАША

опыт сугубо деловой пьесы

Типовой детский сад типового микрорайона. Типовой детский столик покрыт за неимением зеленого сукна зеленым байковым одеялом. За столом сидят пятилетние активисты: Петя, Костя и Марина. Марина в больших взрослых очках и с цветным карандашом в руке: она ведет протокол этого одного заседания.

ПЕТЯ. Уважаемые товарищи! Сегодня на повестке дня необычный вопрос...

КОСТЯ. А покороче нельзя? Тихий час начинается.

ПЕТЯ. Не мешай. Итак, я продолжаю... Вопрос необычный и, я бы даже сказал, из ряда вон выходящий... Дело в том, что вся вторая группа отказалась есть манную кашу.

КОСТЯ. Не может быть!.. Они там все с ума посходили, что ли?

ПЕТЯ. Вот это мы и должны выяснить... Марина, пригласи, пожалуйста, Агапова. Он у них сегодня дежурный.

МАРИНА *(кричит)*. Агапов! Максим! Заходи давай!

Входит Агапов. Комкая в руках панамку, он садится на стульчик с дыркой.

ПЕТЯ. Рассказывай обо всем.

КОСТЯ. И побыстрее: тихий час на носу.

АГАПОВ. Да что рассказывать-то?.. Ну, невкусная была каша. Несладкая...

ПЕТЯ. Знаем, что несладкая, сами ели. Но разве это метод — брать и отказываться?

АГАПОВ. А как же иначе? Все должно быть по-честному!

ПЕТЯ. Да? По-честному? А зачем вы тайно ходили на кухню?

АГАПОВ. Выяснить хотели: что, как и почему... Ведь странное дело, товарищи: сахара к нам привозят достаточно! Я сам проверял накладные. А каша несладкая!.. Вот и подумали: не иначе, повариха ворует...

ПЕТЯ. Но-но, Агапов! Ты говори, да не заговаривайся! Тем более что в технологии производства каш ты ни черта не понимаешь. Или, может, тебе добровольные кулинары какие-нибудь помогали?

МАРИНА *(опустив глаза)*. Да... Я помогала... И по всему выходит, что нечестная у нас повариха...

ПЕТЯ. Та-ак... Новое дело!.. Не дай бог, в соседних садах узнают — позора не оберешься!.. Предлагаю замять этот инцидент. А вторую группу заставить кашу съесть! Другие предложения будут?

КОСТЯ. Будут! Я предлагаю заявить о поварихе куда следует!

ПЕТЯ. Константин! Ты чего добиваешься? Скандала? Компрометации нашего детского учреждения? Или, может, под мой авторитет подкапываешься?

КОСТЯ. Дурак ты, Петя, и больше ничего.

ПЕТЯ. Ну, я этого так не оставлю! Я с тобой в другом месте поговорю! *(Собирает бумаги.)* Заседание окончено! *(Уходит.)*

МАРИНА. Ничего-ничего, пусть попыжится. Сухарь! И этого человека я когда-то любила!..

КОСТЯ *(скатывая со стола одеяло)*. Ладно, мужики, пошли спать. *(Хлопает Агапова по плечу.)* Молодчага, Максим, не растерялся!

АГАПОВ. Да я-то что? Я по совести поступал...

КОСТЯ. Все в норме! А ты, Маринка, составь акт обследования кухни по всей форме: дескать, мы, нижеподписавшиеся... И так далее. *(Зевает.)* А теперь по палатам. Больно меня после этих заседаний в сон клонит...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА СМОКИНГ-СТРИТ

художественный телефильм: нравы их, киностудия наша

Фамильный коттедж лордов Нокдаун на Смокинг-стрит. Вечер. Много английского тумана. Среди его клубов неясно различается семейство Нокдаун. Все у камина молчаливо жуют ленч. Внезапно вбегает юная Эвелина Нокдаун. Она в декольте, которое залито слезами.

— Мама! — бросается дочь к матери и зарывает лицо в ее кружева и бриллианты.— Мама, у меня украли серебряную зубочистку!

Леди Нокдаун горделиво и по-английски холодно встает.

— Марк! — обращается она к своему сыну с прибалтийским акцентом.— Это твои шалости, мой мальчик?

Молодой Нокдаун, судя по виду, алкоголик, наркоман, шулер и альфонс, поднимает на нее мутные пустые глаза.

— Нет...— бормочет он сквозь лошадиные зубы.— У меня у самого вчера сперли кадиллак, я и то не поднимаю паники!

Все вскакивают и начинают метаться по гостиной. Это выражает их душевную неустроенность и разлад с собственной совестью. Леди Нокдаун прямо на ходу начинает следствие. В результате выясняется черт знает что. Лорд Нокдаун ей не верен, имеет на стороне трех детей, которые теперь претендуют на право владения фамильным коттеджем. Эвелина, оказывается, давно замужем за старым лакеем, имеет от него двух детей, и те, в свою очередь, тоже хотят сделаться лордами. Не лучше и Марк, соблазнивший дочь старого лакея; детей, правда, у них еще нет, но зато сама дочь теперь спит с Марком и видит, как бы прибрать к рукам нокдауновские миллионы. В порыве отчаяния саморазоблачается и леди-мама. Она сообщает своим детям, что они вовсе не от лорда Нокдауна, а от совершенно посторонних мужчин.

Лорд по-английски, не прощаясь, уходит в свой кабинет, чтобы застрелиться. Марк, тоже не говоря ни слова, идет в бильярдную, чтобы повеситься. Эвелина убегает в будуар, чтобы принять цианистый калий. И только леди Нокдаун остается на месте, мрачно доедая свой сандвич. Внезапно Эвелина появляется в дверях будуара:

— Мама! — кричит она.— Я нашла зубочистку!

— А под окном стоит мой кадиллак! — раздается веселый возглас целого и невредимого Марка.

— А я пошутил насчет незаконных детей,— входит самодовольный папа.

Все счастливы, ленч благополучно продолжается.

И только в глазах мудрого старого лакея светится ирония. Он-то знает, чем живет этот буржуазный дом на самом деле...

НОКТЮРН В ПОЛОВИНЕ ДВЕНАДЦАТОГО

современная драма

Действующие лица:

ОН — мужчина.

ОНА — женщина.

На сцене полутемно, много тюля и беспорядочно разбросанной мебели. ОН в пальто и шляпе, ссутуленный и бледный стоит слева. ОНА в домашнем халате и бигуди, ссутуленная и бледная стоит справа. Звонок.

ОНА (не двигаясь с места, смотрит в зал). Войдите. Кто это?

ОН (не двигаясь с места, смотрит туда же). Здравствуй, это я.

ОНА. Ты? Боже мой!.. Какими судьбами? Откуда?

ОН. Проездом. С конференции на коллоквиум. Из Монте-Карло в Бодайбо. Извини. Я пойду. У меня самолет.

ОНА. Останься... А помнишь? (Тихо, но страстно плачет.)

ОН. Помню. Я все помню. (Сдержанно, но откровенно рыдает.)

ОНА. Был вечер. За окном падал снег...

ОН. Это был не снег, это в верхней квартире подрались соседи, и пух от разорванных подушек летал по всему городу...

ОНА. Верно, пух... Ты пришел в костюме Деда Мороза, такой смешной, лохматый...

ОН. Я сделал бороду из мочалки, которую украл у соседа по общежитию...

ОНА. От нее пахло хвойным мылом...

ОН. Это не от нее, а от елки.

ОНА. Да-а... Мы стояли у елки и целовались. Горели разноцветные свечи... И мы не заметили, как у тебя отклеилась борода. (Закрывает лицо руками.)

ОН (горестно). Борода!.. С нее все и началось...

ОНА. Борода вспыхнула от свечи.

ОН. Загорелась елка, скатерть, моя шуба, твое новое креп-жоржетовое платье...

ОНА. Его мне подарила мама на день рождения... Бедная мама!..

ОН. Потом приехали пожарные, все залили холодной водой. А тот, с усами, в блестящей каске, унес тебя из квартиры на руках...

ОНА. Потом он стал моим мужем... Когда я узнала, что ты уехал... Мне было уже все равно: в петлю или за пожарного...

ОН. Я не мог не уехать. Меня исключили из института. За ту украденную мочалку: сосед написал заявление в ректорат...

ОНА. Боже мой, боже мой... Зачем, зачем?

ОН. Я понял: нельзя строить счастье, если в основе его — обман, кража, нечестность...

ОНА. За эту истину ты заплатил слишком дорогой ценой: жизнь прошла, целая жизнь!.. Ты один?

ОН. Да, один. Я всегда был один. А ты?

ОНА. И я тоже всегда была одна-одинешенька...

ОН. А пожарный, муж?

ОНА. Он не в счет. Мы не понимаем друг друга. Я его брошу.

ОН. Тогда я к тебе еще когда-нибудь загляну.

ОНА. Хорошо, буду ждать. Только уже в другой пьесе...

ОН. А как я разберу, в какой именно? Они ведь так похожи!

ОНА. Ищи... Да поможет тебе любовь! Та любовь, которая спалила наши сердца!

Вспышка света и любви. Языки пламени и страсти. Рев пожарного автомобиля.

«ХЫЧНИК»

монолог недоброго зрителя из 9-го ряда
по поводу юбилея известного артиста

Я дико извиняюсь. У меня душа горит на этого комика. Я ему устрою... Я ему сейчас сделаю дружеский сарж... А шо с им чикаться, граждане? Он со мной чикался? Ему лишь бы меня взять, продраить, пропесочить, прокачать, показать кузькину мать... Пятьдесят лет! Слушай, пятьдесят лет почти! Как он на сцене появился, так мне житья не стало. Режет он меня на куски, рвет он меня на части, кушает меня с маслом...

Да, я бюрократ. Это я говорю: «Бу сделано», а сам на этих криводуев-посетителей пилюю. Да, я алкоголик. Это я в какой-то гробнице в греческом зале булькал без стакана́. Да, это я завсклад, директор магазин, товаровед. Это я создаю списфисский дюфсит. Это

я хычник! Но ему-то что, этому артисту, этому сатирику? Я его трогал? Я его кусал? Я его обштопывал, обмишуривал, объегоривал? Лично?

Нет, ты выступай, ты смеши народ — весь наш трудовой народ! — но так смеши, чтобы у меня был покой, порядок, личный покой прежде всего! А сейчас я кто? Дудак такой. Набитый дудак такой. Псих ненодмальный...

Я так скажу: бум с ним бороться, бум, бум!.. Теперь ведь он чего отчебучил? Ой! Сыночка своего единоутробного, Константина, значит, в театр к себе взял. Чтобы на меня, мерзопакостного, в четыре руки навалиться. Дескать — айн, цвай, драй — урря-я! — и я уже покорен? Хе-хе-хе!

Ну, давай, давай. Делай на меня саржи, делай. Я в долгу не останусь. Я еще дам вам жизни! Привет! Не кашляй! Я дико извиняюсь...

ЛАМПОЧКА ЭДИСОНОВА

телеспектакль из цикла «Наши соседи»

Скромная шестикомнатная квартира молодоженов Морковкиных. Всё здесь просто и красиво: недорогой импортный гарнитур, ковер на стене, палас на полу. Гена Морковкин, скромный, простой и красивый слесарь, стоит у кульмана и вычерчивает график работы своей бригады на предстоящую пятилетку. Нюра, его жена, скромная, простая и красивая чесальщица камвольного комбината, плачет.

НЮРА. Не могу я так больше! Сил моих нету!..

ГЕНА (весь в своих мыслях). Да-да, нету...

НЮРА. Жена я тебе или не жена? Одной радости — штамп в паспорте! А всю дорогу мотаюсь с нашими незамужними девчатами — и на концерт из произведений композитора Дебюсси, и на выставку гобеленов, и в музей имени Бахрушина!

ГЕНА (не отрываясь от графика). Да-да, в музей...

НЮРА. Всё! В общежитие к девчатам перехожу! Точка!

Идет в прихожую, распахивает дверь и сталкивается с их соседом по лестничной клетке Эдисоновым.

ЭДИСОНОВ. Прощения просим... Лампочка у нас в семействе долго жить приказала. Не дадите лишнюю какую заимообразно?

НЮРА (в сердцах). Пожалуйста! Берите любую! Мне все равно! (Плачет.)

ЭДИСОНОВ. Э-э, девонька, да у вас, я гляжу, в семейной жизни полная расфокусировка получается. Ну-ка давай выкладывай, что стряслося?

НЮРА. Генка мой на меня — ноль внимания. Всё дела да дела! Будто не жена я ему, а так просто — инфузория-туфелька!

ЭДИСОНОВ (обиженно). Но-но! Ты давай, девка, того... Геннадия не порочь! Ясно? Он, знаешь, что? Вместо тридцати трех по норме тридцать четыре делает! И в институте вечернем экзамены сдал за себя и за того парня! А трудного подростка Федьку Забабакина увлек художественной резьбой из бумаги! Во какой! А ты говоришь «туфелька»...

НЮРА. Да вы... Да я... Да если б я знала! Демьян Аверьяныч! Спасибо вам за слова такие!

ЭДИСОНОВ. Геннадию своему спасибочки говори. А я что? Наше дело соседское. Ежели соседи друг дружке помогать не будут, тогда и вовсе дестабилизация выйдет. Вот так-то, девонька! (Уходит.)

Нюра вбегает в комнату, скромно, красиво и просто становится у дверей.

НЮРА. Прости меня, Геночка, дорогой...

ГЕНА (отрываясь от кульмана). А?

НЮРА. Ты разве ничего не услышал?

ГЕНА. Нет. А разве что-то произошло?

НЮРА. Да! Я люблю тебя, глупенький...

Молодожены бросаются друг другу в скромные, простые и красивые объятия. Звучит музыка из произведений композитора Дебюсси.

ПОДРОСТОК: КУДА И ОТКУДА?

педагогические раздумья

В редакцию приходят письма. Большие и маленькие, толстые и тонкие. Но смысл их один: встречаются еще кое-где в подворотнях отдельные нетипичные подростки, которые дают жизни всем остальным типичным хорошим людям. Отчего это происходит? Давайте поразмышляем вместе.

Начнем с примера. В семье А. было неблагополучно. Папа А., работавший грузчиком, любил выпить. Мама А. трудилась в торговле и тоже воровала. В нетрезвом виде папа бил маму и соседей. Иногда к папе приходили хмельные дружки, и тогда они били соседей вместе.

В такой вот нездоровой обстановке неожиданно родился Вова А. С самого детства, которого его лишили, перед юным взором представали картины безобразия. Неудивительно, что в 3 года Вова пристрастился к сигаретам, в 4 замучил кошку, а в 5 подстерег в темном переулке воспитательницу своего детского садика и лишил ее самого дорогого — часов с браслетом. Дальше больше. Став повзрослее, мальчик отпустил длинные волосы, надел протертые джинсы и написал у себя на майке нецензурное слово английскими буквами. Вова стал грозой улицы и завсегдатаем милиции. Он запугал школу и терроризировал жэк. Что может получиться из этого подростка? Да все что угодно!

Другой пример. В семье Д. тоже было неблагополучно. Мама Д. любила выпить. Папа Д. работал в торговле. Мама била папу. У них родилась дочь. Но, несмотря ни на что, она в 3 года играла на баяне канцоны Таривердиева, в 4 решала уравнения с семью неизвестными, а в 5 поступила на химический факультет МГУ. Вот вам и проблема! Она по плечу только Макаренко, по зубам только Песталоцци.

Однако читатели вправе спросить: а что же посоветуем мы? Нам думается, что лучше все же родиться в благополучной семье. Так надежнее. Хотя и в них бывает не без урода...

ТАНЯ И БЫЧОК

читаем, поем и пляшем Агнию Барто

Перед началом спектакля зрителям вместе с программкой раздается либретто:

Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик.
Тише, Танечка, не плачь —
Не утонет в речке мяч!

А также:

Идет бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
«Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду!»

Далее зрители видят следующее. Из зала на сцену проложены шаткие мостки, олицетворяющие изменчивость Фортуны. Сцена покрыта чем-то ядовито-синим, которое олицетворяет розовое и голубое. Справа, на пригорке, сидит Таня. Она олицетворяет девочку с трудной судьбой. Слева сидит рок-группа, олицетворяющая бит-ансамбль. Группа играет. Таня плачет. На сцене появляется толпа хиппующе-неунывающих девушек и юношей, которые тоже, очевидно, что-то олицетворяют.

ХОР (поет, протягивая к Тане руки). Не плачь! Не плачь, Таня!

ТАНЯ (берет микрофон, рыдает в него).

Как же мне не плакать, если
Мяч от меня ушел, как песня,
Мяч от меня уплыл, как любимый,
Как я его любила!.. (Умывается слезами.)

ХОР. Это жизнь, Таня, это жизнь! Привыкай, Таня, привыкай!

Свет гаснет. Тишина. Откуда-то сверху раздается трагическое мычание, олицетворяющее безысходность кое-чего. Прожектор выхватывает артиста, олицетворяющего Бычка, он в джинсах, в безрукавке и с микрофоном.

БЫЧОК (балансируя на мостках).

Я иду, я иду, я иду...
И, конечно, сейчас упаду...

ХОР (вполголоса).

Упадет, упадет, упадет,
Потому что неверно идет!..

Бычок срывается с мостков, летит вниз на веревке. Пушечный выстрел. Начинает пахнуть паленым и жареным. Мелькание света и тени.

БЫЧОК (с трудом поднимаясь в проходе партера, мычит в микрофон).

От Судьбы ты не уйдешь и не спрячешься.
Словно девочка, Судьба, с красным мячиком:
Она шлепает его, а он мечется —
Это жизнь в руках Судьбы человеческая... (Делает вид, что умирает.)

ХОР. Неправда! Неправда! Человек сам кузнец своего счастья! Запомните это, люди!

Возникают десятки, сотни, тысячи мячей, они падают с балконов и ярусов, передаются из рук в руки. Все мячи стекаются к Тане.

ХОР. Не утонет! Не утонет! Не утонет в речке мяч! Никогда!

Любовь не тонет и не сгорает,
Любовь вовеки не умирает.
Иди скорее к своей любви,
Уймись, Танюша, и не реви!

Победные звуки марша. Хор торжественно вздергивает на флагшток схему разделки туши Бычка. Таня перестает плакать. Музыканты перестают играть. Зрители окончательно перестают понимать что бы то ни было...

РАЗРЕШИТЕ НЕ СОГЛАСИТЬСЯ!

дискуссия на страницах газеты

Сегодня у нас в гостях встретились два очень не похожих друг на друга человека — писатель Сергей Николаевич Толин и критик Николай Сергеевич Нолин. Предлагаем вашему вниманию их беседу, записанную на пленку.

ТОЛИН. Давайте-ка с вами поспорим, Николай Сергеевич!

НОЛИН. Давайте, Сергей Николаевич. Только о чем же вы собираетесь со мной спорить?

ТОЛИН. Я предлагаю такую интересную и злободневную тему: нужна ли нашей литературе молодежь?

НОЛИН. Прекрасная тема! Я считаю, что молодежь нашей литературе нужна.

ТОЛИН. И я с вами совершенно согласен. Дело только заключается в том, какая нам нужна молодежь в литературе?

НОЛИН. По-моему, нам нужна талантливая молодежь, Сергей Николаевич.

ТОЛИН. Разрешите с вами не согласиться, Николай Сергеевич. Я считаю, что нам в литературе нужна очень талантливая молодежь!

НОЛИН. Это интересное дополнение. Только позвольте вас спросить, что является критерием для оценки: очень — не очень?

ТОЛИН. Конечно, вкус.

НОЛИН. Но ведь еще древние говорили (я процитирую): «На вкус и на цвет товарищей нет!»

ТОЛИН. Это тема для отдельной дискуссии.

НОЛИН. Вы правы, Сергей Николаевич. Мы славно сегодня поспорили, не так ли?

ТОЛИН. Да, нелицеприятно и заинтересованно. Мне кажется, нам надо чаще собираться вот так и бескомпромиссно дискутировать. От этого наши читатели сразу обогатятся!

НОЛИН. Еще бы! Недаром те же древние утверждали, что в спорах рождается истина! И у нас наверняка что-то родилось!..

СКВАЖИНА

сценарий фильма о нефтяниках

В кабинет начальника объединения «Нефтебур» входит лобастый и коренастый паренек. Это Тимур Тимуров, выпускник института нефти и сопутствующего ей газа. При виде паренька начальник объединения Анисимов медленно встает из-за стола.

— Тимур?! — срывающимся голосом говорит он...

...РЕТРО. Девятнадцатилетний Анисимов бежит среди весенних березок за стройной девушкой по имени Лия. Девушка смеется. Анисимов гулко топает кирзовыми сапогами. Наконец, он догоняет ее, сильно притягивает к себе, крепко сжимает в объятиях и пристально смотрит в глаза. Наплыв...

— ...Значит, по распределению прибыл? — спрашивает Анисимов.

— Да,— отвечает Тимур.— Меня, правда, на кафедре собирались оставить, заведующим — я ведь кандидатскую еще на втором курсе защитил, а докторскую — на четвертом. Но мне захотелось жизни хлебнуть.

— Это правильно,— кивает начальник объединения.— Только, знаешь, у меня весь штат инженеров укомплектован. Есть только одна свободная должность — посудомойки в рабочей столовой.

— Я согласен! — радостно хлопает себя по коленкам выпускник института.— Моя мама, Лия Назаровна, учила меня не бояться трудностей.

— Да, ты похож на свою маму...— задумчиво произносит руководитель «Нефтебура»...

...РЕТРО. Двадцатилетний Анисимов покидает родное село, чтобы продолжить образование в городе. Он бежит среди весенних березок, прижав к груди деревянный чемодан. За Анисимовым, протянув вперед тонкие девичьи руки, несется Лия в платке и слезах. Наконец, она догоняет его, сильно притягивает к себе, крепко сжимает в объятиях и хочет пристально посмотреть в глаза. Но Анисимов отворачивается, глубоко дышит и говорит с хрипотцой: «Нет... Только не сейчас... Прежде хочу настоящим нефтяником сделаться...» Наплыв...

...Тимур Тимуров попадает на Южный участок. Среди бурильщиков разброд и шатания: никто не бреется, не стрижется, не играет в шахматы. Некоторые даже начали курить. А наглый буровой мастер Кифушняк то и дело пристает к поварихе Тамаре с нехорошими намерениями. И виной всему — отсутствие нефти. Вот уже второй год бурильщики работают на Южном участке, который теперь усеян скважинами, как дуршлаг дырками. А нефти как не было, так и нет.

Постепенно Тимур вливается в рабочую семью. Днем он моет посуду на кухне, вечером поет под гитару собственные песни, ночью караулит возле Тамариного вагончика, оберегая ее сон от поползновений Кифушняка. Авторитет молодого доктора наук постепенно набирает силу. И вот в решающий момент Тимуров выдвигает смелое предложение:

— А давайте перейдем на Северный участок!

Все над ним смеются.

— Салага! Посудомой! — отвечает мастер Кифушняк, надвигая Тимуру кепку на глаза.— На Северном участке — камень и скалы. Чем бурить будем?

— А голова на что? — хитро подмигивает начинающий нефтяник, поправляя кепку. Он тут же разворачивает чертежи турбобура собственной конструкции...

По извилистому шоссе летит голубая «Волга». В ней мчатся Анисимов и Кифушняк.

— Значит, самовольно перевел работы на Северный участок? — сжимает кулаки и зубы начальник объединения.

— Да,— подхалимски улыбается буровой мастер.— И сорвал планы на Южном!

— Мальчишка! — негодует Анисимов и тут же, на ходу, составляет приказ об увольнении Тимурова.

Внезапно руководитель «Нефтебура» замечает у края дороги худощавую женщину, которая «голосует» их машине.

— Останови,— приказывает Анисимов шоферу.

Женщина открывает дверцу:

— На Северный участок не подвезете?

— Лия Назаровна? — холодеет начальник объединения...

...РЕТРО. Двадцатипятилетний Анисимов возвращается после учебы в родные края. Среди весенних березок встречается он со своей бывшей возлюбленной. У нее на руках сучит ножками розовощекий бутуз. Немая сцена. В глазах у молодой женщины стоят слезы. «Ах, зачем ты так долго учился, Анисимов?» — с грустью произносит она. Наплыв...

— ...Еду сына своего проведать,— говорит Лия Назаровна, садясь в машину.— А ты как?

— По-прежнему, холостой,— мрачно отвечает Анисимов.

— И я мужа похоронила,— вздыхает Тимурова мама.

— Правда?! — радостно восклицает начальник объединения.

В это время «Волга» тормозит у вышки, рядом с большой лужей нефти. Вокруг танцуют от радости бурильщики. Все они чисто побриты, коротко подстрижены, в новых комбинезонах и начищенных резиновых сапогах.

— Нефть! Нефть пошла! — кричит Тимур, подбегая к автомобилю.

— Мальчик мой! — плачет Лия Назаровна, кидаясь на сына.

— Мама,— говорит он смущенно.— Здесь, на буровой, я отыскал не только новый пласт...— и показывает на повариху Тамару, которая уже на каком-то месяце.

— За разведку месторождения,— объявляет Анисимов,— объявляю Тимурову благодарность. А за самоуправство — строгий выговор!

Все смеются. Начальник объединения достает приказ об увольнении Тимура и переправляет его фамилию на фамилию Кифушняка. Посрамленный буровой мастер закрывает лицо руками и убегает в горы. Из тонкой трубы рвется к небу высоченный фонтан черного золота.

НА ВОДАХ

сценическая композиция
по мотивам ранних и поздних произведений
М. Ю. Лермонтова

На сцене мрак. Вдали сливаются струи Арагвы и Куры. Тревожно журчит минеральная вода в источнике. Луч света ударяет в полукруг, образованный из ряда вычурных стульев. На них сидят: небритый Печорин в картузе, холеный Грушницкий с пистолетом, зареванная княжна Мэри в кринолине и усатый Максим Максимыч в лысине. Печорин щиплет басовую струну гитары.

ПЕЧОРИН (отрешенно, камерно). На севере диком стоит одиноко на голой вершине сосна... (Обрывает струну, заслоняется ладонью.) Что за лица кругом, что за лица, господи! И это высший свет на водах!.. Уехать бы, уехать... Но куда?!

ГРУШНИЦКИЙ. До вас дошли последние кисловодские слухи? О, сэ минифик! У нашей маленькой княжны Мэри фантастический роман с этим грубым животным Печориным...

ПЕЧОРИН. Не распускайте язык, Грушницкий. Вы позер и ничтожество.

КНЯЖНА МЭРИ (плача). Перестаньте, господа, перестаньте!..

МАКСИМ МАКСИМЫЧ. Я Печорина знаю. Помнится, на Кавказе дело было. В крепости. Там из-за него чеченка одна отдала богу душу. Бэлой ее звали. Так Печорин хоть бы перекрестился, право слово...

ПЕЧОРИН (опять запевает). И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной невзгоды... (Обрывает еще одну струну.) Да, я отвратителен сам себе, я жажду застрелиться! Но кто оценит мой поступок?

КНЯЖНА МЭРИ. В крепости? Чеченка? Боже мой, я не вынесу этого!

ГРУШНИЦКИЙ. Вы опозорили девушку! Мы будем стреляться! Немедленно! Держите пистолет!

ПЕЧОРИН. Отстаньте, Грушницкий. Я ведь знаю: пистолет не заряжен. Я вас так убью — песней! (Перебирает оставшиеся струны.) А он, мятежный, просит бури, как будто в бурях есть покой...

ГРУШНИЦКИЙ. Замолчите, замолчите, ваше пение действительно убивает! (Падает замертво со стула.)

КНЯЖНА МЭРИ. Ах, зачем вы сделали это? Вы всё, всё испортили! (Ревет на плече у Максим Максимыча.)

МАКСИМ МАКСИМЫЧ. Ну, тихо, тихо... Все образуется... Забудешь его. Дурной он человек, лишний...

ПЕЧОРИН. И кто-то камень положил в его протянутую руку... (Рвет все струны и ломает о голову Максим Максимыча гитару.)

Звон колоколов. Стенание Терека. Нарастающий стук топора и молота.

ТАЙНА ОНУФРИЯ

телепередача о кино

ВЕДУЩИЙ. Итак, дорогие телезрители, состоялась премьера многосерийного фильма «Не плачь, Онуфрий!» Теперь можно с радостью сказать: получилось! Да, вышел настоящий, где-то даже художественный фильм. И сегодня по вашей просьбе к нам на студию заехал хорошо известный в наших и ненаших кругах актер театра, кино, радио, телевидения, эстрады и цирка Викентий Викентьевич Ангаров.

АНГАРОВ. Здрасьте.

ВЕДУЩИЙ. Когда мы узнали, что главная роль в картине поручена вам, Викентий Викентьевич, то сразу поняли: лента обречена. Обречена на большой успех. Скажите, а как вы вообще относитесь к многосерийным фильмам?

АНГАРОВ. Отлично отношусь. Чем больше серий, тем больше простора для показа героев в их общественной и интимной многогранности. Ведь в жизни всегда есть место подвигу. А мой Онуфрий такой.

ВЕДУЩИЙ. Да, это правильно. Перевоплощаясь в Онуфрия, нашего современника, вам самому пришлось приобщиться к героике будней. В фильме вы фехтуете, прыгаете затяжным прыжком в море, затыкаете пальцем течь на корабле, перекусываете зубами колючую проволоку. Откройте свой маленький секрет: где вы научились всему этому?

АНГАРОВ. Меня учила жизнь. Я читал Станиславского, искал зерно, наблюдал людей на улице. Правда, должен признаться: в картине вместо меня фехтует мастер спорта Касаткин, а затяжным прыжком в море падает чучело. Проволока, которую я перекусывал, была сделана из папье-маше.

ВЕДУЩИЙ. Но зато момент, когда Онуфрий идет по карнизу небоскреба, потребовал от вас исключительной выдержки.

АНГАРОВ. Естественно. Съемки были максимально приближены к натуре. Небоскреб построили в павильоне, а карниз находился на высоте порядка двух метров от пола. И поэтому когда во время четвертого дубля я случайно упал вниз, то потом три дня не мог работать.

ВЕДУЩИЙ. У вас была травма?!

АНГАРОВ. Да. Моральная.

ВЕДУЩИЙ. Расскажите, пожалуйста, как снимался эпизод кораблекрушения.

АНГАРОВ. С удовольствием. На катастрофу истратили немало денег. Правда, от массовки пришлось отказаться, так как корабль был ненастоящий. Оператор комбинированных съемок тянул его за ниточку на дно бассейна, где имитировалась буря.

ВЕДУЩИЙ. Но знаете, особенное впечатление на зрителей произвел момент, когда вы объясняетесь в любви.

АНГАРОВ. Сцена действительно заслуживает внимания. Хотя в ней снимался не я. Меня срочно вызвали тогда на пробу в другой фильм, и в кадре стоит (если помните, спиной) сам режиссер.

ВЕДУЩИЙ. Но говорит-то он вашим голосом?

АНГАРОВ. Наоборот! Это я, так сказать, говорю его голосом. Дело в том, что после окончания съемок я вылетел в Лиленшваген на кинофестиваль, а роль Онуфрия озвучивал постановщик фильма. Кажется, ему удалось передать мою индивидуальность.

ВЕДУЩИЙ. А пожар...

АНГАРОВ. Это макет.

ВЕДУЩИЙ. А перестрелка...

АНГАРОВ. Это два дублера...

ВЕДУЩИЙ. А...

АНГАРОВ. Это тоже не я.

ВЕДУЩИЙ (игриво). Ну, а гонорар-то вы сами получали?

АНГАРОВ. Нет. Я был занят на новых съемках в Ялте, и его по доверенности получила моя жена. И все же, несмотря на это, я очень доволен своей работой в фильме «Не плачь, Онуфрий!» Ведь осуществилась моя мечта: сняться в приключенческом фильме — с погонями, драками, членовредительством. Давно, знаете, хотелось копнуть по-настоящему.

ВЕДУЩИЙ. Большое спасибо, Викентий Викентьевич. Нам было необычайно интересно познакомиться с вашей творческой кухней. Новых вам удач на нелегком актерском пути!

ОТЕЛЛО-82

Автор попытался представить, как четыре наших известных драматурга могли бы интерпретировать сюжет шекспировского «Отелло».

БРАТЕЦ ЯГО

(Виктор Розов)

Действующие лица:

ОТЕЛЛОВ — талантливый ученый.

ДЕЗДЕМОНА ОТЕЛЛОВА — его жена.

ЯГОВЛЕВ — его двоюродный брат.

Столовая-гостиная-спальня в квартире Отелловых. Пошло, вычурно, по-мещански подобранная мебель: два зеркальных шкафа, три козетки, четыре горки и пять трюмо. Отеллов сидит скрючившись на маленьком пуфике и увлеченно строчит докторскую диссертацию. Сбоку, на раскладушке, в ботинках и трусах лежит Яговлев.

ЯГОВЛЕВ (тоскливо). Тоска!

ОТЕЛЛОВ (говорит и пишет). Балаболка ты!

ЯГОВЛЕВ (вскакивает). Да ты посмотри вокруг, оглянись! Во что превратился твой дом, твоя жизнь? Деньги и вещи... А эта дура, эта прорва...

ОТЕЛЛОВ. Не смей так о ней говорить! Стручок!

ЯГОВЛЕВ. А-а, рот затыкаешь, правды боишься! Ты опустился! Из крупного ученого стал мелким обывателем... Эта мебель... Квартира... Душно у нас, душно!

Входит Дездемона.

ДЕЗДЕМОНА. У меня пропал японский носовой платок, который ты мне привез с симпозиума в Барахляндии.

ОТЕЛЛОВ (пожимает плечами). Завалился куда-нибудь...

ДЕЗДЕМОНА. Ты думаешь? А вот мне кажется... (Выразительно смотрит на Яговлева). Где платок, прихлебало?

ЯГОВЛЕВ (вытаскивает его из-под подушки.) На́, на́, подавись!

ДЕЗДЕМОНА. Боже мой... что он с ним сделал?

ЯГОВЛЕВ. Ничего я не делал — высморкался и все!

ДЕЗДЕМОНА (бледнея). Хулиган... хулиган... гадина! (Кидается на Яговлева, душит его).

ОТЕЛЛОВ. Какие вы оба злющие!

ЯГОВЛЕВ (хрипит). Пусти... ненормальная! (Вырывается.) Ты?.. Меня?.. Из-за платка?! (Выхватывает из-под Отеллова пуфик и начинает им бить зеркала.) Вот вам, вот вам! (Увертывается от Дездемоны, убегает.)

Дездемона падает на вторую козетку, Отеллов гладит ее, целует.

ДЕЗДЕМОНА. Чтобы он... в нашем доме... больше никогда!

ОТЕЛЛОВ. Никогда, никогда. Ты же видишь — он убежал. В поисках радости.

ДЕЗДЕМОНА. В добрый час!..

ДЕЗДЕМОНИХА

(Анатолий Сафронов)

Действующие лица:

ДЕЗДЕМОНА ВЕНЕЦИАНЕНКО — заведующая станичным бистро «Вареник з вишнею».

МАВРЕНЕЦ — бригадир полеводческой бригады.

КАССИОНЮК — комбайнер, участник художественной самодеятельности.

ДЕД ЯГОВ — юморной старик.

Действие происходит, естественно, на Кубани. Вход в станичное бистро. Стеклянная дверь, на которой табличка: «Горилки нема». За сценой девичьи голоса исполняют казацкие частушки, припевки и пригудки. На завалинке сидит дед Ягов с кубанкой и берданкой. Входит Мавренец. В руке у него подшипник от мотовила.

МАВРЕНЕЦ. Слухай, дидусь, ты Кассионюка не бачив?

ДЕД ЯГОВ. А як же? Здесь он, с утречка возле твоей Дездемонихи отирается. Оце коллега! Чуешь?

МАВРЕНЕЦ. Ты шо, дед, сказился? Дездемона и Кассионюк? Да за такие слова... (Играет желваками и подшипником.)

ДЕД ЯГОВ. Тю-ю, не веришь? А ты спытай: Дездемона Серахвимовна, иде тот платочек, шо я вам подарил к международному бабьему дню Восьмое марта? Ась? Тут уж она оглавушится напрочь. Бо платок — у Кассионюка!

МАВРЕНЕЦ. Задушу подлую!

ДЕД ЯГОВ. Як задушишь?

МАВРЕНЕЦ. Старым казачьим способом! (Бросает оземь подшипник, вбегает в бистро.)

Там перед стойкой сидит Кассионюк и хлебает из миски борщ с галушками. Рядом Дездемона взбивает коктейль из сока гарбуза.

ДЕЗДЕМОНА. Кушайте, Трохвим Тимохвеевич, на здоровьичко! Добавки желаете?

КАССИОНЮК (облизывая ложку и миску). А ще ж? Не откажусь...

МАВРЕНЕЦ. А може, хватит? Трошки повечерял и будя!

ДЕЗДЕМОНА. Та вы шо ж такой строгий сегодня, товарищ бригадир? Сидайте. Борщика налить?

МАВРЕНЕЦ. Не в ём дело. Отвечайте со всей сурьезностью: иде мой подарочный платок, куды он запропастился?

КАССИОНЮК (показывает руку на перевязи). Оце бачишь?

МАВРЕНЕЦ. Добре! Сейчас смертоубийство вчиню! Обоих жизни решу! (Бросается к Дездемоне).

Та бьет его по голове аполовником, Мавренец падает.

ДЕЗДЕМОНА. Мало тебе? Ишо добавить?

МАВРЕНЕЦ (со стоном). Нет уж, сыт по горло...

ДЕЗДЕМОНА. Думать надо, товарищ бригадир, прежде чем руками чепляться! Кассионюк палец жаткой поранил, я ему рану-то и перевязала, та йодом смазала — для прохвилактики!

МАВРЕНЕЦ. Ото я ж так и думал... Ты уж извиняй меня, Дездемона Серахвимовна... Дед Ягов меня в сумнение ввел. Хай ему грец!

ДЕЗДЕМОНА. Хай, хай...

Кассионюк снимает с руки платок, достает из-за стойки баян и голосом Нани Брегвадзе поет: «Ах, ты, развесистая клюква с родной кубанской стороны...»

СТАРОМОДНАЯ ТРАГЕДИЯ
(Алексей Арбузов)

Действующие лица:

ДЕЗДЕМОНА КАРЛОВНА — женщина на склоне.

МАВР НИКОЛАЕВИЧ — мужчина на том же.

ДЕЗДЕМОНА (в публику, игриво, загадочно). Ее последняя ночь...

Мрачная палата психо-кардиологического санатория. Двенадцатый час. Из раскрытого настежь окна доносится запах увядающей флоры и вымирающей фауны. Слышатся звуки далекого эстрадно-симфонического оркестрика. Дездемона Карловна с распущенными седыми кудельками в ночном пеньюаре полулежит на казенной койке и напевает модную песенку душераздирающим баритоном. Входит Мавр Николаевич. В его руках предательски дрожит карманный фонарик.

МАВР (споткнувшись, чертыхаясь). Проклятье! (Морщится.) Какого лешего вы положили у порога полено?! (Прикусывает нижнюю губу, а потом верхнюю).

ДЕЗДЕМОНА (хохочет со слезами на глазах). Это не полено, это обломок моей жизни... (С надрывом.) Что вы знаете о жизни? Обо мне? О них? Обо всех? Что есть жизнь? Зачем мы живем? Для чего? (Рыдает, смеется.) Не молчите же! Когда вы молчите, то напоминаете моего четвертого мужа — он работал в зоопарке подрезателем крыльев у птиц... (Грустно.) Для чего вы явились в столь поздний час?

МАВР (поправляет галстук). Вы... своим пением... (Поправляет пиджак.) Не даете спать всему санаторию! (Поправляет брюки.)

ДЕЗДЕМОНА (мечтательно). Разве в такую ночь можно спать? (Порывисто.) Всмотритесь, вслушайтесь, внюхайтесь! Взгляните на небо, на звезды, на Млечный путь... Вполне вероятно, там тоже обитают разумные старики, которые тоже мучаются, тоскуют по-чеховско-арбузовски... Мой седьмой муж был астрономом. Каждый раз, когда я у него спрашивала, почему он не ночевал дома, он отвечал, что сидел у телескопа в обсерватории...

МАВР (передергиваясь). Перестаньте, перестаньте нести этот вздор! Мне надоели ваши сказки старого Арбата! Замолчите! Или я не знаю, что с вами сделаю!

ДЕЗДЕМОНА. О-о, воображаю! Вы исключите меня из санатория без права восстановления и без возврата денег! Как страшно!..

МАВР. Я задушу вас!

ДЕЗДЕМОНА (брезгливо). Оставьте. Разве вы способны на решительный шаг? Мой одиннадцатый муж был драматургом. Он писал мелодрамы. И однажды...

МАВР. Не могу больше! (Душит ее, но внезапно хватается за сердце и оседает на пол).

ДЕЗДЕМОНА (философски). Вот видите, я же говорила: в вашем возрасте нельзя слишком напрягаться. Мой бедный, бедный Маврат!.. Ну, да ничего: завтра я уеду, и все будет кончено.

МАВР. Вы... разве уже завтра? Но послушайте... я без вас не смогу... без этих ваших жестоких игр... Вы хоть понимаете это?

ДЕЗДЕМОНА. Понимаю. Но поймет ли нас зритель?

МАВР. Поймет! У нас самый понимающий зритель на свете!..

УБИЙЦА
(Михаил Жванецкий)

ОТЕЛЛО (трясет платком). Дездемона, это что такое?

ДЕЗДЕМОНА. А?

ОТЕЛЛО. Я говорю: Дездемона, это что такое?

ДЕЗДЕМОНА. Что?

ОТЕЛЛО. Вот это, говорю, что такое?

ДЕЗДЕМОНА. Где?

ОТЕЛЛО. Вот это, вот это, вот это!

ДЕЗДЕМОНА. Ах, Отелло, не говорите загадками! У вас что-нибудь случилось, да? Не скрывайте, я вижу: что-то случилось!

ОТЕЛЛО. Да! Но не у меня, а у вас! Вы мне изменили — с Кассио!

ДЕЗДЕМОНА. Это платок.

ОТЕЛЛО. Вы о чем? Вы о чем?

ДЕЗДЕМОНА. Я не понимаю: если вы спрашиваете, то я буду отвечать, а если нет, то можете идти.

ОТЕЛЛО. А Кассио?

ДЕЗДЕМОНА. Ну, вы шутник! Ворвался посреди ночи в спальню и шутит!

ОТЕЛЛО. Молчать! Говорите по су-щест-ву! Вы находились с ним в любовной связи?

ДЕЗДЕМОНА. Свя́зи?

ОТЕЛЛО. Свя́зи.

ДЕЗДЕМОНА. Или связи́?

ОТЕЛЛО. Связи́.

ДЕЗДЕМОНА. Или свя́зи? Как правильно? Почему вы меня хотите запутать? Зачем вам это нужно?

ОТЕЛЛО. Вы подарили Кассио платок! Да? Или нет?

ДЕЗДЕМОНА. Да. Или нет?

ОТЕЛЛО. Отвечайте! Что у вас было до того?

ДЕЗДЕМОНА. До того или после?

ОТЕЛЛО. До того, до того, до того!

ДЕЗДЕМОНА. Отелло, вы убийца.

ОТЕЛЛО. Я не убийца, я Аваз. Грузин. Или нет — я кассир. Моя фамилия Сидоров.

ДЕЗДЕМОНА. Правильно. Так и говорите. Если спросят.

ОТЕЛЛО. Кто спросит?

ДЕЗДЕМОНА. Кто надо. «Нет, не был, не имел, не привлекался, тридцать шесть и шесть, по утрам прозрачная».

ОТЕЛЛО. Стоп! У меня что-то с головой...

ДЕЗДЕМОНА. Идите. И молитесь на ночь. По-одесски. Чтобы всем было весело. (В публику.) Ребята, давайте жить весело?!

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ!

«Карнавальная ночь»... Этот фильм Эльдара Рязанова уже стал классикой советской кинокомедии. Словно к старым знакомым, относимся мы к Серафиму Ивановичу Огурцову, Лене Крыловой, Грише Кольцову, отлично помним кульминационную сцену картины:

в разгар новогоднего праздника Огурцов хочет прочитать скучный доклад, но Лена и Гриша, позвав на помощь фокусника, похищают у директора Дома культуры тезисы и подкладывают в карман его пиджака живого голубя...

Попробуем теперь нафантазировать, как эту сцену из «Карнавальной ночи» поставили бы и сняли некоторые другие известные наши кинорежиссеры.

ЛЕОНИД ГАЙДАЙ

За кулисы вбегает Гриша, три раза обегает вокруг бутафорского терема, ударяется о него лбом, отскакивает и делает сальто-мортале. К нему подбегает Лена Крылова.

— Что с тобой? — спрашивает она и подпрыгивает.

— Скорее! — отвечает Гриша и подпрыгивает тоже.— Огурцов хочет пробраться к гостям, чтобы сделать доклад. Его надо остановить!

Лена с Гришей подпрыгивают вместе и бегут Огурцову наперерез. Увидев их, Серафим Иванович, в свою очередь, подпрыгивает и принимается удирать. По пути он перемахивает через несколько стульев, проламывается сквозь фанерный терем, кидает в своих преследователей предметами сервировки новогоднего стола. Бутылка шампанского попадает Грише в лоб, и у него моментально вскакивает шишка величиной с тыкву. Гриша крутит флик-фляк и валится без чувств. Огурцов хлопает от радости в ладоши, но не тут-то было: Лена срывает со стены огнетушитель, бьет им об пол и направляет пенную струю в Серафима Ивановича. С директора Дома культуры под напором пены смываются очки, парик, галстук, пиджак и брюки. В одних мокрых трусах, зажав во рту текст доклада, Огурцов начинает карабкаться по занавесу на колосники. Однако в это время Гриша, придя в сознание, подпрыгивает выше обычного, хватается за трос, на котором висит занавес, и перепиливает его Лениной пилочкой для ногтей. Огурцов, падая, делает головокружительный пируэт и перелетает с занавеса на елку. Усевшись на ветке, он принимается швырять в Лену и Гришу елочными игрушками. Игрушки взрываются, как гранаты. И все же Лене удается доползти по-пластунски до электрощитка и включить гирлянду на елке. Огурцов оказывается под током, его трясет, он падает вниз, пробивает головой сцену, застревает в досках и уморительно дрыгает волосатыми ногами. Лена и Гриша в уморительно порванных костюмах прыгают со сцены и весело чокаются с гостями. Все оказываются до того чокнутыми, что просто животики надорвешь.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ

Большой серый глаз. Очень большой — во весь экран. Очень серый — до безобразия, до неприличия. Серый, блеклый, ординарный. Банальный тусклый глаз. Он символизирует мировую банальность.

Глаз устремлен в зрительный зал. Он рассматривает зрителей. А зрители рассматривают его. Три минуты, пять, двадцать... Глаз не мигает. Зрачок его туманен. Нижнее веко подрагивает. Это глаз Огурцова.

Директор Дома культуры шепчет:

— Товарищи... прежде всего... разрешите... поздравить... и пожелать...— сухой серый язык прилипает к серому нёбу (крупно!).

И сразу — пестрые краски карнавала, водоворот юбок, ливень конфетти, горы праздничных бутербродов с колбасой. Трехрядки, присядки и калядки. Кто-то кому-то весело дает в ухо. Это праздник жизни.

В проеме фанерного терема стоит Огурцов. У него серые глаза, серый костюм, серое лицо. Он весь примитивен и сер. Серое пятно на разноцветной палитре.

— Позвольте,— жалобно лепечет директор Дома культуры,— коротко познакомить вас с некоторыми цифрами...— вытаскивает из кармана четки, кадило, псалтырь.— Что это?

Люди смеются над Огурцовым. Крупно: улыбающиеся рты, скалящиеся зубы. Огурцов пятится, падает, плачет. Слезы текут из его серых глаз...

Торжествующий набат вечно молодых старинных колоколов. Задорное ржание сильных лошадей и сильных людей.

СЕРГЕЙ ГЕРАСИМОВ

Зал Дома культуры. Столики. За ними сидят гости — люди самых различных профессий: журналисты и архитекторы, начальники, подчиненные, дочки-матери,— но, несмотря на это, все в равной степени философы. На сцену выходит директор Дома культуры — молодой кудрявый мужчина с горящими энтузиазмом глазами. Его играет Николай Еременко-младший, причем, как всегда, без грима.

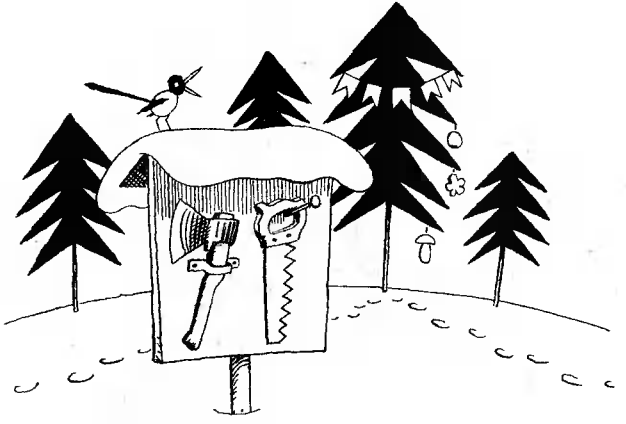
— Товарищи,— говорит он, непринужденно присаживаясь за первый попавшийся столик.— Прежде всего разрешите вас поздравить с Новым годом и пожелать вам, как говорится, любить человека! Позвольте мне также познакомить вас с тем, как обстоит дело проведения новогодних торжеств не у нас, а на родине Жюльена

Сореля. Мы подготовили документальный сюжет, и это, так сказать...— достает из кармана ролик.

Свет гаснет, на экране мелькают кадры: Триумфальная арка в Париже, около нее — большая рождественская елка, а рядом — большая группа ведущих советских кинематографистов вместе с Ани Жирардо, Мирей Матье и Луи де Фюнесом. Все о чем-то возбужденно говорят. Свет вспыхивает.

— Вы видите,— столь же подкупающе органично продолжает директор,— у них там на эту тему тоже идут бурные дискуссии. Давайте поговорим и мы...

Возникает диспут — серии на три, на четыре: как любить новогодний праздник и в то же время не истреблять елки, особенно у озера? Одни считают, что елки надо рубить обязательно, ибо в этом выражается борение и одоление человеком природы. Другие возражают: счастье людское в спокойствии, а значит, не надо ничего в природе нарушать. Все обрывается на самом неожиданном месте — предоставляя, как обычно, остальное додумать зрителю. А чего не поймет зритель, ему подскажет в прессе восторженная критика.



ДА ЗДРАВСТВУЕТ МАРУСЯ!

одноактная комедия
для студенческого театра

Действующие лица:

ЕРМИЛОВ — командир объединенного штаба строительных отрядов института.

ЛЮЛИН — командир сибирского ССО.

МАРУСЯ РЕСНИЦЫНА — комиссар.

АЛЕКСЕЕНКО — вольноопределяющийся студент.

КОРЯГИН — вожак в группе шабашников.

БАЛАШОВ (по прозвищу Ангина) — прежний комиссар отряда, говорит сиплым голосом.

ГАБОВИЧ — студент, сочувствующий Ресницыной.

ИГНАТОВ — секретарь парткома.

СЕКРЕТАРША.

СТУДЕНТЫ.

Действие происходит в Москве и в Сибири.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Москва, объединенный штаб ССО института. За столом сидит Ермилов, разговаривает по телефону.

ЕРМИЛОВ. ...да, Василий Платонович... Слушаю, Василий Платонович... Это наша недоработка... Исправим, исправим. Сегодня же пошлем. Правильно, именно туда и пошлем... Человек надежный — можно сказать, наш человек... (Входит Ресницына, Ермилов зажимает рукой трубку.) Садись, Ресницына, я сейчас... Да, Василий Платонович. Будем стараться! Обязательно. Спасибо, и вы не хворайте... (Вешает трубку.) Черт бы его побрал совсем! Разорался, понимаешь... Тоже мне, Сухомлинский!.. (Смотрит на Ресницыну.) Слушай, Маруся, дело чрезвычайной важности. ЧП у нас.

РЕСНИЦЫНА. ЧП?

ЕРМИЛОВ. Да, в сибирском стройотряде. Полная дезорганизация, понимаешь, на почве безделья. Корягин тут же сколотил группу шабашников, половину студентов завербовал. Балашов на его сторону перекинулся.

РЕСНИЦЫНА. А командир что же?

ЕРМИЛОВ. А что командир? Ты Люлина не знаешь? Мечется, телеграммы каждый день шлет...

РЕСНИЦЫНА. Тряпка!

ЕРМИЛОВ. Мы предупреждали ректорат института! Люлина советовали в Москве оставить, отрядом кокакольщиков руководить. Так нет же! «В Сибирь, в Сибирь!» Вот и допрыгались!

РЕСНИЦЫНА. Что делать, Ермилов?

ЕРМИЛОВ. На тебя вся надежда, товарищ Маруся. Сегодня же вылетай в сибирский стройотряд.

РЕСНИЦЫНА. В качестве кого?

ЕРМИЛОВ. В качестве нового комиссара.

РЕСНИЦЫНА. Хорошо. Только при одном условии.

ЕРМИЛОВ. При каком?

РЕСНИЦЫНА (жестко). Снабди меня чрезвычайными полномочиями.

ЕРМИЛОВ. В смысле?

РЕСНИЦЫНА. Любого в расход пустить, если надо!

ЕРМИЛОВ. То есть, как — в расход? Это что такое, Ресницына?

РЕСНИЦЫНА. Выгонять из отряда безоговорочно!

ЕРМИЛОВ. А-а... Тогда хорошо. Даю полномочия. Действуй.

РЕСНИЦЫНА. Ладно, я полетела.

ЕРМИЛОВ. Учти, в отряде одни мужики, для Сибири отбирали самых могучих.

РЕСНИЦЫНА. Знаю. На легкий успех не рассчитываю.

ЕРМИЛОВ. Ежели чего — звони, телеграфируй. Поможем, чем сможем. Но... Сама знаешь — у нас каждый человек на счету.

РЕСНИЦЫНА. Постараюсь обойтись собственными средствами... Прощай, командир! (Жмет ему руку.)

ЕРМИЛОВ. До свидания, Ресницына. Помни: штаб в тебя верит. Возвращайся с победой, девочка! (Хочет поцеловать ее в щеку.)

РЕСНИЦЫНА. А вот это ни к чему. Не люблю сантиментов. Тем более, что у тебя жена, дети. Зачем? (Уходит.)

ЕРМИЛОВ. Железная женщина. Вот кому-то невеста достанется — не приведи господи!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Сибирь. Школа, класс, откуда вынесены все парты и стоят кровати стройотрядников. На доске мелом нарисована легкомысленная купальщица. Несколько студентов играют в карты. Алексеенко лежит на кровати, тренькает на гитаре. У тумбочки сидит Габович и что-то пишет.

АЛЕКСЕЕНКО. Письмо мамочке?

ГАБОВИЧ. Что?

АЛЕКСЕЕНКО. Письмо, говорю, мамочке? «Здравствуй, милая мамусенька!.. Передай привет милому папусеньке!.. Я со всей своей могучей силушкой осваиваю сибирские богатства! Поворачиваю реки вспять, возвожу города, прокладываю железные магистрали...»

ГАБОВИЧ. Кончай. И без тебя тошно.

АЛЕКСЕЕНКО. А что, не так пишешь?

ГАБОВИЧ. Пишу как есть. Что не делаем ни черта.

АЛЕКСЕЕНКО. Прямо так и пишешь? Созна-ательный... А если ты такой сознательный, то почему молчишь в тряпочку?

ГАБОВИЧ. А что я должен делать?

АЛЕКСЕЕНКО. Выступить. Дать бой. Заклеймить. И выжечь каленым железом...

ГАБОВИЧ. Нет, я не умею.

АЛЕКСЕЕНКО. «Не умею»! А что же ты умеешь, человек?

ГАБОВИЧ. Работать умею. И хочу работать!

АЛЕКСЕЕНКО. Ну, так иди к Корягину — они работают по четырнадцать часов в сутки. И денежки получат — ого-го!

ГАБОВИЧ. Я приехал честно работать.

АЛЕКСЕЕНКО. «Честно»! Да кому она нужна, твоя честность?

ГАБОВИЧ. А ты-то сам чего не идешь к Корягину, если на честность тебе наплевать?

АЛЕКСЕЕНКО. Может, я и пойду еще. Я присматриваюсь... Натура у меня такая — ищущая... (Перебирает струны гитары.) Рефлектор я.

ГАБОВИЧ. Это в каком же смысле — рефлектор?

АЛЕКСЕЕНКО. Душа у меня рефлексирует. (Поет.)

«Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса,
Кто ни во что не верит, даже в черта, назло всем...
Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем!

Стремилась ввысь душа твоя —
Родишься вновь с мечто-о-ю,
Но если жил ты, как свинья,
Останешься свинье-о-ю...»

Вваливается группа студентов-шабашников. Они все перепачканные, усталые, злые. Корягин хмур, рядом с ним вьется Балашов, у которого горло замотано шарфом.

АЛЕКСЕЕНКО. Устал, Корягин?

КОРЯГИН. Иди к черту.

БАЛАШОВ (сипло). Мы сегодня рекорд поставили. Баню под крышу подвели.

АЛЕКСЕЕНКО. Ударники!

БАЛАШОВ. Ударники не ударники, а кое-что за работу получим. Не стыдно будет домой вернуться.

АЛЕКСЕЕНКО. Хо-о! Зачем тебе деньги, Ангина? Куда ты их пустишь?

БАЛАШОВ. Найду куда. В ресторан пойду.

АЛЕКСЕЕНКО. Ты?! В ресторан?! С твоим-то горлышком?

БАЛАШОВ. Ну и что? Это здешний климат на меня отрицательно действует, а в Москве будет все в порядке!

АЛЕКСЕЕНКО. А тебе, Корягин, зачем столько денег? Ты что, самый жадный?

КОРЯГИН. Не твоя забота. Жадный.

АЛЕКСЕЕНКО. Дурачье вы. Зачем работать, когда можно не работать?

КОРЯГИН. А ты-то на кой хрен сюда ехал, ежели работать не хочешь?

АЛЕКСЕЕНКО. А я жизнь изучаю. Свое место ищу.

ГАБОВИЧ. Рефлектор он.

КОРЯГИН. Не рефлектор, а чайник.

Вбегает Люлин.

ЛЮЛИН. Товарищи! Товарищи! Экстренное сообщение! К нам приехал новый комиссар из Москвы!

АЛЕКСЕЕНКО (свистит, садится). Комисса-ар?

БАЛАШОВ. Какой еще комиссар, когда я — комиссар?

ЛЮЛИН. Ты не комиссар, ты шабашник!

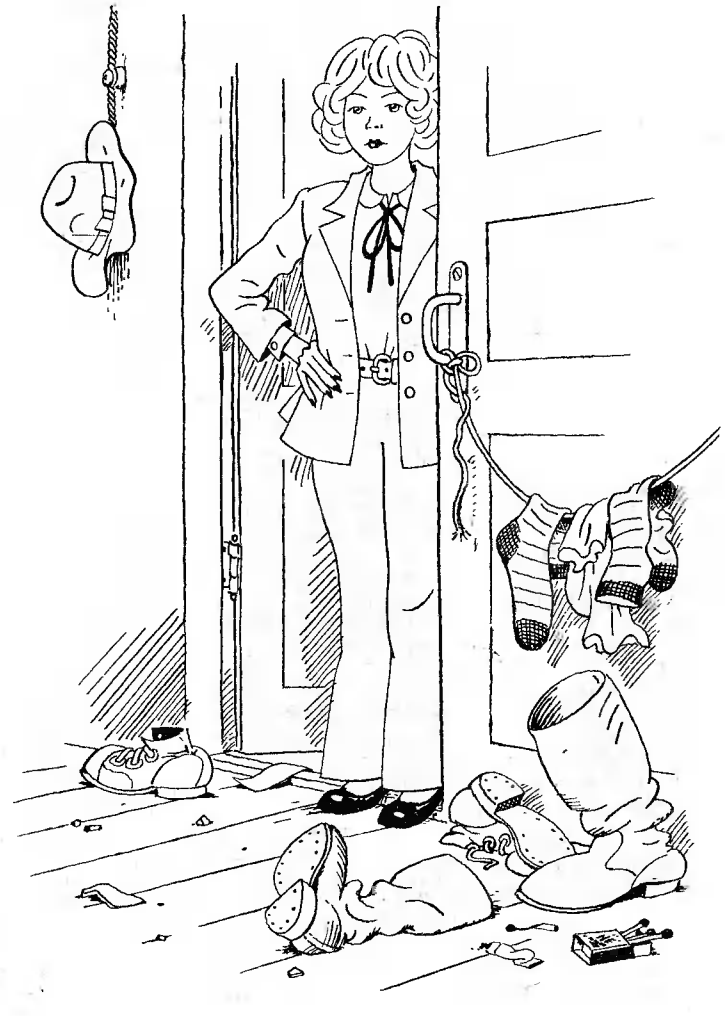
БАЛАШОВ. Ну, шабашник. А по чьей вине? Ты меня работой обеспечил?

ЛЮЛИН. Где я тебе достану работу? У меня что, свое СМУ?

КОРЯГИН. Кончай базар. Отдыхать будем. (Разбирает постель.)

ЛЮЛИН. Ты погоди отдыхать-то. Комиссар зайдет, а вы храпите? Так, что ли?

КОРЯГИН. А мы храпим! Это ты сачка давишь, а мы работаем! И нам вставать в шесть утра! (Ребятам). Отдыхай, пацаны! (Расстегивает брюки.)



Входит Ресницына с чемоданчиком.

РЕСНИЦЫНА. Здравствуйте, товарищи!

КОРЯГИН (отворачивается, застегивает брюки). Тьфу, черт! (Ресницыной). Стучаться надо, когда входишь!

РЕСНИЦЫНА. Извини. Не учла, что тут в девять вечера могут быть без штанов.

АЛЕКСЕЕНКО (разглядывая Марусю). Вот это да!.. Вот это фактура! Есть, на что посмотреть...

БАЛАШОВ. Ты к кому приехала, тетя?

РЕСНИЦЫНА. Я тебе не тетя. «Дядя»! Я ваш новый комиссар.

Пауза.

АЛЕКСЕЕНКО. Неплохо. У меня просыпается интерес к жизни. А как вас зовут, если не секрет?

РЕСНИЦЫНА. Не секрет. Меня зовут Марина Ресницына. Можно просто — Маруся. Аспирантка. Двадцать пять. Не замужем. И не была. Еще вопросы имеются?

АЛЕКСЕЕНКО. Да. А что вы сегодня вечером делаете, Марусенька?

РЕСНИЦЫНА. Сегодня вечером я намерена навести тут порядок. (Люлину.) В чем дело, командир? Почему грязь? У вас кто-нибудь убирает? Дневальные есть?

БАЛАШОВ. Тут не армия, между прочим.

РЕСНИЦЫНА. Разговорчики!

БАЛАШОВ. Ты не генерал, а мы не солдаты!

РЕСНИЦЫНА. Вы бойцы строительного отряда! (Показывает на рисунок мелом.) Это что?

АЛЕКСЕЕНКО. Это баба. В естественном, так сказать, виде...

ЛЮЛИН. Не баба, а женщина.

РЕСНИЦЫНА. Вы, я смотрю, одичали здесь совсем, дурью маетесь. Это скоро пройдет. У меня есть лекарство.

АЛЕКСЕЕНКО. Какое?

РЕСНИЦЫНА. Работа.

БАЛАШОВ. А мы не филоним — работаем.

РЕСНИЦЫНА. Не работаете, а шабашите.

БАЛАШОВ. Один черт.

РЕСНИЦЫНА. Нет, не один.

КОРЯГИН. Ну, ладно, слушайте, вы... комиссар! Агитировать будете завтра. А сегодня нам спать пора. Мы наработались и валимся с ног! До свидания!

РЕСНИЦЫНА. А вы кто, товарищ?

КОРЯГИН. Я Корягин!

РЕСНИЦЫНА. То-то оно и видно...

КОРЯГИН. Вас разве не учили в детстве, что это нетактично — смеяться над тем, что у человека не слишком благозвучная фамилия?

РЕСНИЦЫНА. Извините.

КОРЯГИН. Пожалуйста. Кушайте на здоровье.

РЕСНИЦЫНА. Ну, хорошо. Если вы устали — отдыхайте. Поговорим завтра. (Показывает на Алексеенко.) Вы назначаетесь дневальным. Помещение привести в порядок. Чтоб сверкало, как стеклышко!

АЛЕКСЕЕНКО. Я в уборщицы, между прочим, не нанимался.

РЕСНИЦЫНА. Не нанимался — вылетишь из отряда. А заодно из института. У меня чрезвычайные полномочия. Ясно?

АЛЕКСЕЕНКО. Ясно.

РЕСНИЦЫНА. Тогда всё. Командир, проводи меня. До свидания, товарищи! (Уходит.)

ЛЮЛИН. Чтоб все сверкало, как стеклышко! (Убегает вслед за ней.)

Пауза.

АЛЕКСЕЕНКО. Ну, держись, братва. Начнется теперь... (Передразнивает.) «Мойте шею и уши с мылом... Делайте утреннюю гимнастику... Поцелуй — источник инфекции...»

КОРЯГИН. Отдыхай. Перемелем ее — опилки останутся...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Комната Маруси Ресницыной. Постель разобрана. Маруся в ночной рубашке, одной рукой держит зеркальце, смотрится в него, другой расчесывает волосы. Стук в дверь.

РЕСНИЦЫНА. Кто?

ГОЛОС. По делу. Если можно...

РЕСНИЦЫНА. Одну минутку. (Надевает халат.) Входите.

Входит Габович.

ГАБОВИЧ. Добрый вечер. Извините, что так поздно. Но я хочу вас предупредить.

РЕСНИЦЫНА. О чем?

ГАБОВИЧ. Алексеенко с некоторыми ребятами к вам собирается.

РЕСНИЦЫНА. Ко мне? Зачем?

ГАБОВИЧ. Маленький тест на выносливость. Проверка нервной системы.

РЕСНИЦЫНА. Понятно... И с ними Корягин?

ГАБОВИЧ. Нет, он спит. Да и всё равно, если бы не спал, то с ребятами сейчас не пошел бы.

РЕСНИЦЫНА. Почему?

ГАБОВИЧ. Не в его характере. Он открыто — или уважает, или ненавидит. По-крестьянски.

РЕСНИЦЫНА. А он что, из деревни?

ГАБОВИЧ. Не знаю. Кажется...

Слышен звон гитары, надсадная песня Алексеенко.

ГАБОВИЧ. Идут.

РЕСНИЦЫНА. Ничего. Спасибо за предупреждение. Пока!

ГАБОВИЧ. А может, лучше мне остаться?

РЕСНИЦЫНА. Нет, иди. Я сама. До свидания!

ГАБОВИЧ. До свидания. Держитесь! (Уходит.)

Ресницына снимает халат, юркает под одеяло, притворяется спящей. За дверью топот, звон гитары и стекла. Дверь распахивается. На пороге — группа студентов, впереди Алексеенко с гитарой и Балашов.

АЛЕКСЕЕНКО. Здрасьте вам, мамзель Маруся!

Молчание.

БАЛАШОВ. Спит.

Студенты подходят к кровати.

АЛЕКСЕЕНКО (вполголоса). А она вообще-то ничего, да? Ты, Ангина?

БАЛАШОВ. Не в моем вкусе. Я люблю, чтоб без этого вот... А так...

АЛЕКСЕЕНКО. Ни черта ты не понимаешь в женщинах.

БАЛАШОВ. А ты понимаешь?

АЛЕКСЕЕНКО. А я понимаю. Буди давай.

БАЛАШОВ. А может, ну́ ее? Пускай дрыхнет.

АЛЕКСЕЕНКО. Буди, буди. Зря, что ль, старались?

Алексеенко и студенты рассаживаются вокруг стола. Балашов одним пальцем тычет Марусю в плечо. Маруся мычит.

БАЛАШОВ. Спит.

АЛЕКСЕЕНКО. Кто ж так будит? Не знаешь, с кем дело имеешь? Балда! Вот как надо! (Орет). Роттт-а-а! Па-адъем!

Ресницына дергается, садится.

РЕСНИЦЫНА. А? Что? Кто здесь?

АЛЕКСЕЕНКО. Не видишь — гости к тебе. (Поет). «К вам приехал, к вам приехал Виктор Палыч да-ра-гой!..» Виктор Палыч — это я. Доброе утро.

РЕСНИЦЫНА (зевая, смотрит на часы). Ничего себе утро — половина первого ночи! Что случилось-то? Зачем пожаловали?

АЛЕКСЕЕНКО. Ай-яй-яй! Разве так порядочная хозяйка встречает гостей? Мы к тебе, можно сказать, с открытой душой... Ангина, ставь.

Балашов достает из кармана пол-литра. Студенты вытаскивают стаканы.

АЛЕКСЕЕНКО. Вот. Как положено. По-русски.

РЕСНИЦЫНА. Это что? Водка?

АЛЕКСЕЕНКО. Она самая...

РЕСНИЦЫНА. А вы разве не знаете, что во всех стройотрядах «сухой закон»?

АЛЕКСЕЕНКО. Знаем. Но ради такого случая...

РЕСНИЦЫНА. Какого?

АЛЕКСЕЕНКО. Да ты бы встала, однако, с постели. А то какая-то странная мизансцена выходит...

РЕСНИЦЫНА. Ладно, встану. Отвернитесь все.

Все отворачиваются, Алексеенко берет со стола зеркальце и смотрит в него.

РЕСНИЦЫНА. И в зеркало не смотри. Наблюдатель!

АЛЕКСЕЕНКО (смутившись). Да я... так...

Ресницына встает, надевает халат, завязывает поясок. Садится на кровать.

РЕСНИЦЫНА. Ну, готово. Так по какому случаю сегодня праздник?

АЛЕКСЕЕНКО. К столу садись.

РЕСНИЦЫНА. Ничего, мне и тут неплохо. Праздник, говорю, какой?

АЛЕКСЕЕНКО. Нетерпеливая ты. Прямо юный следопыт какой-то... Не спеши. Время придет — объясним... А сейчас предлагаю выпить. За встречу. За знакомство. Со свиданьицем...

РЕСНИЦЫНА. Я не буду.

АЛЕКСЕЕНКО. Брезгуешь? С народом выпить брезгуешь?

РЕСНИЦЫНА. Я вообще не пью. Никогда.

АЛЕКСЕЕНКО. Здоровье не позволяет?

РЕСНИЦЫНА. Нет, из принципа.

АЛЕКСЕЕНКО. Странный принцип. Не наш какой-то... Ну, ладно. Сиди так. А мы выпьем. Верно, ребята? Наливай!

Разливают, пьют, смачно крякают. Заметно пьянеют.

АЛЕКСЕЕНКО. Хорошо пошла... Дай бог, не последняя! (Поет). «Эх, раз, еще раз, еще много, много раз!..»

РЕСНИЦЫНА. Все-таки ты не ответил на вопрос.

АЛЕКСЕЕНКО. Хорошо, ответим. Ангина, объясни.

БАЛАШОВ. Мы... это... в общем, ну... свадьбу справлять пришли.

РЕСНИЦЫНА. Оригинально! Вот так прямо — и свадьбу?

АЛЕКСЕЕНКО. А что тянуть? Я красив и здоров, ты тоже вся из себя... Почему бы нам не пожениться?

Студенты одобрительно гудят.

АЛЕКСЕЕНКО. Во. Глас народа.

РЕСНИЦЫНА. А моего желания, стало быть, не требуется?

АЛЕКСЕЕНКО. А ты что, против?

РЕСНИЦЫНА. Против.

АЛЕКСЕЕНКО. Обижаешь.

РЕСНИЦЫНА. А может, мне другой нравится?

АЛЕКСЕЕНКО. Ну и на здоровье. Мы ж не навсегда. Мы только на сегодня.

РЕСНИЦЫНА. На одну ночь?

АЛЕКСЕЕНКО. А зачем дольше? Надоест...

РЕСНИЦЫНА. Ну, вот что... друг! И вы все! Проваливайте давайте отсюда!

АЛЕКСЕЕНКО. Гонишь?
РЕСНИЦЫНА. Живее, живее, ну!
АЛЕКСЕЕНКО. Не уважаешь!
РЕСНИЦЫНА. Я кому сказала?

Студенты приподнимаются.

АЛЕКСЕЕНКО. Куда? Сидеть! Не видите — девушка для виду ломается. Так положено... Выпьем! Наливай!

Разливают, пьют, крякают.

АЛЕКСЕЕНКО. А почему все такие мрачные? Свадьба это или не свадьба? А ну пой, пляши! Жарь!

Отдает Балашову гитару, тот играет, Алексеенко выдает «цыганочку».

АЛЕКСЕЕНКО. Теперь хочу целоваться! «Горько»! Ну?

Нестройные крики: «Горько...»

АЛЕКСЕЕНКО. Слышь, Маруська, народ требует.
РЕСНИЦЫНА. Дурак же ты все-таки.
АЛЕКСЕЕНКО. Ну, разок, Марусечка? Поцелуемся — и уйдем мы. Честное пионерское.
РЕСНИЦЫНА. Отстань.
АЛЕКСЕЕНКО (идет к ней). Ну, пожалуйста... Что тебе стоит?
РЕСНИЦЫНА (встает, пятится). Отойди. Не хочу.
АЛЕКСЕЕНКО. Жалко, что ли? Разочек...

Кидается к ней, целует в губы. Ресницына борется, отпихивает его, хватает с тумбочки чемодан и бьет Алексеенко по голове. Тот, охнув, падает.

Пауза.

1-Й СТУДЕНТ. Готов!..
2-Й СТУДЕНТ. Отмучился, сердешный... Упокой, господи, душу раба божьего Виктора! Аминь! (Крестится.)
3-Й СТУДЕНТ. Да, ударчик был — не позавидуешь...
БАЛАШОВ. Что у тебя в чемодане-то?
РЕСНИЦЫНА (смущенно). Гантели...

1-й студент свистит.

3-Й СТУДЕНТ. Финита ля комедия.
2-Й СТУДЕНТ. Предумышленное убийство.
РЕСНИЦЫНА. Ребята, честное слово, я не хотела.

Балашов наклоняется к Алексеенко и слушает ухом сердце.

1-Й СТУДЕНТ (шепотом). Ну, как?
БАЛАШОВ. Тихо ты!..

Берет руку Алексеенко, щупает пульс. Рука безжизненно падает на пол.

БАЛАШОВ. Отходит...

Ресницына ахает, садится на кровать.

БАЛАШОВ (Ресницыной). Ты что вообще?! Соображаешь?! Мы с ней по-хорошему, а она чемоданом!

1-Й СТУДЕНТ. С гантелями!
РЕСНИЦЫНА (робко). Но вы же сами видели... Он как на меня бросился... пьяный!
БАЛАШОВ. Какой пьяный? У нас вода, а не водка!
РЕСНИЦЫНА. Вода?
БАЛАШОВ (дает ей стакан). На́, нюхай!
РЕСНИЦЫНА (подносит стакан к лицу). Действительно — вода...
БАЛАШОВ. Юмора не понимаешь?
РЕСНИЦЫНА. Честно говоря, такого не понимаю.
БАЛАШОВ (машет рукой). А-а, да что теперь говорить! (Отворачивается.)

Пауза.

1-Й СТУДЕНТ. Что делать, ребята?
БАЛАШОВ. Прокуратура решит.
2-Й СТУДЕНТ. А может... как-то... замнем? Он ведь тоже виноват, это правда.
БАЛАШОВ. Дело замнем, а труп закопаем?
3-Й СТУДЕНТ. Чей труп?
БАЛАШОВ. «Чей, чей»! Не твой же!

Алексеенко стонет.

БАЛАШОВ. Кто стонал? (1-му студенту). Ты?
1-Й СТУДЕНТ. Он стонал.
БАЛАШОВ. Кто?
1-Й СТУДЕНТ. Труп.

Балашов и Ресницына вскакивают, склоняются над Алексеенко.

РЕСНИЦЫНА. Дышит! Честное слово, мальчики, дышит!
БАЛАШОВ. Да не ори ты! А то сглазишь... Давай его на кровать... Заноси.

Ресницына берет Виктора за руки, Балашов за ноги, поднимают, Алексеенко стонет, открывает глаза.

АЛЕКСЕЕНКО. Э-э... вы чего?.. Куда вы меня несете?
БАЛАШОВ. Молчи, не напрягайся.

Кладут его на кровать.

АЛЕКСЕЕНКО. М-м... голова...
РЕСНИЦЫНА (с состраданием). Больно, Витя?
АЛЕКСЕЕНКО. Она у меня какая-то сплющенная теперь... Вот потрогай...
РЕСНИЦЫНА (гладит его по голове). Глупости. Нормальная голова. До свадьбы заживет!
АЛЕКСЕЕНКО. А-а, до свадьбы!.. Хорошая получилась свадьба, ничего не скажешь... (Стонет.)
БАЛАШОВ. Тебе плохо? Может, за врачом сбегать?
АЛЕКСЕЕНКО. Ничего... Оклемаюсь... Помогите мне встать. К себе пойдем...

РЕСНИЦЫНА. Не пущу. Лежи! Тебе лежать надо!

АЛЕКСЕЕНКО. Поздно, второй час. Извини, мы тебе сон перебили.

РЕСНИЦЫНА. Ерунда. Ты, главное, не шевелись, отдыхай. (Ребятам). Не волнуйтесь, идите. Я за ним присмотрю.

БАЛАШОВ. Тогда мы двинули... До свиданья!

РЕСНИЦЫНА. До свидания. Пока!

Студенты прощаются, выходят. Ресницына садится на стул рядом с Алексеенко. Он берет ее за руку.

АЛЕКСЕЕНКО. Смешно! Предлагал тебе в шутку остаться наедине, а так оно и случилось. Но несколько в иной ситуации...

РЕСНИЦЫНА. Спи. Тебе сейчас вредно много разговаривать. (Целует его в висок.)

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кабинет секретаря парткома. Игнатов сидит за столом, пишет. За сценой возникает шум, перебранка.

ИГНАТОВ. Что такое? Я, кажется, просил не мешать!

СЕКРЕТАРША (появляясь). Сергей Петрович, тут... (Исчезает.)

Звуки борьбы.

ИГНАТОВ (поднимаясь). В чем дело? Вы понимаете, что у меня доклад?

Врывается раскрасневшаяся Ресницына, еле переводит дыхание.

РЕСНИЦЫНА. Безобразие! Развели бюрократию!

Влетает секретарша.

СЕКРЕТАРША. Извините, Сергей Петрович... Она сама... Я не пускала! У нее руки, как клещи.

ИГНАТОВ. Девушка, почему вы хулиганите?

РЕСНИЦЫНА. Это не я хулиганю, это вы хулиганите!

ИГНАТОВ. Что-о?!

СЕКРЕТАРША. Нахалка! Как ты смеешь? С самим Сергеем Петровичем... (Пытается утащить ее.)

РЕСНИЦЫНА. Пустите!

ИГНАТОВ (секретарше). Отпустите ее. Вы свободны. Мы сами разберемся. (Секретарша фыркает и уходит.) Садитесь. (Ресницына садится.) Значит, по-вашему, это я хулиганю?

РЕСНИЦЫНА. А как иначе назвать? Ребята приехали строить! Работать! А их уже три недели заставляют бездельничать! Это хулиганство! (Вскакивает).

ИГНАТОВ. Не надо прыгать. Давайте разберемся спокойно.

РЕСНИЦЫНА (садится). Попробуем.

ИГНАТОВ. Вы студентка?

РЕСНИЦЫНА. Аспирантка. Я комиссар студенческого стройотряда!

ИГНАТОВ. О! Женщина-комиссар. Это серьезно.

РЕСНИЦЫНА. Вы не смейтесь. Это действительно очень серьезно. Стройотряд не просто работа. Это — политическое мероприятие! Будущие специалисты приехали потрудиться, принести конкретную пользу. И вдруг они видят, что никому не нужны. Что на их энтузиазм всем фактически наплевать!

ИГНАТОВ. В том-то и дело, дорогой комиссар, что на одном энтузиазме далеко не уедешь...

РЕСНИЦЫНА. Что вы имеете в виду?

ИГНАТОВ. Теперь не двадцатые годы. У нас кругом механизмы. Нам нужны квалифицированные рабочие, а не ваш, извините, детский сад!

РЕСНИЦЫНА. Детский сад?!

ИГНАТОВ. К сожалению...

РЕСНИЦЫНА. А может, скажете — ясли?

ИГНАТОВ. А может, и скажу. Ваших студентов три месяца учить рабочим специальностям надо, а два — технике безопасности. Не дай бог, что случится... А потом отвечай!

РЕСНИЦЫНА. Ответственности боитесь?

ИГНАТОВ. Такой боюсь. Я вам не нянька! У меня своих забот выше головы! Извините. И закончим на этом. Я завтра с докладом выступаю.

РЕСНИЦЫНА. Ах, с докладом?

ИГНАТОВ. Да, с докладом.

РЕСНИЦЫНА. А в вашем докладе упомянуто строительство бани?

ИГНАТОВ. Бани? Конечно. У нас строительство бани идет с опережением графика.

РЕСНИЦЫНА. А кто ее строит, интересно?

ИГНАТОВ. Хм... Кто!.. А вам все надо знать! Передовая бригада одна.

РЕСНИЦЫНА. Врете. Шабашники ее строят!

ИГНАТОВ. Ну, шабашники... Зато как строят! Любо-дорого посмотреть! Мастера!

РЕСНИЦЫНА. А знаете ли вы, товарищ секретарь парткома, что эти мастера — наши стройотрядники?

ИГНАТОВ. Кто-о?

РЕСНИЦЫНА. Да-да, наши детсадовцы, как вы изволили выразиться... Сколотили группу шабашников и колымят!

ИГНАТОВ. Да? Ха-ха-ха! Это смешно!.. Ну, вот видите, а вы говорите, что мы вам работу не даем!

РЕСНИЦЫНА. Нам такой работы не надо! По четырнадцать часов в сутки! И по расценкам, которых не существует в природе!

ИГНАТОВ. Ну, знаете! Вы слишком многого от нас хотите. Мы горячая точка пятилетки! И нам позарез нужна новая баня. Как можно скорее! Любыми средствами!

РЕСНИЦЫНА. Нет уж, извините. Я вам своих ребят калечить не

дам. И вообще мне непонятна ваша позиция. Что значит — «любыми средствами»? И это, по-вашему, партийный подход?

ИГНАТОВ. Слушайте, вы мне аполитичность не шейте!

РЕСНИЦЫНА. А как иначе расценивать ваше заявление?

ИГНАТОВ. Ну и навязалась на мою голову! Слова сказать нельзя... Вы можете понять, что я занят? У меня доклад завтра!

РЕСНИЦЫНА. Хорошо, я пойду в обком.

ИГНАТОВ. Куда?

РЕСНИЦЫНА. В ЦК партии! Это черт знает что такое!

ИГНАТОВ. Только не надо меня пугать.

РЕСНИЦЫНА. А я и не пугаю. Я просто информирую. До свидания! (Встает.)

ИГНАТОВ. Подождите...

РЕСНИЦЫНА. Да? Вы что-то сказали?

ИГНАТОВ (устало). Сядьте. Что вы все время дергаетесь?! Чего вы от меня хотите в конце-то концов?!

РЕСНИЦЫНА. Одного. Я хочу, чтобы стройотряду дали работу. Согласно нашему трудовому договору. Который штаб ССО заключил с вами еще в мае месяце!

ИГНАТОВ. Хорошо. Я разберусь... Мы поможем. Изыщем резервы... (Помечает у себя в бумагах.)

РЕСНИЦЫНА. Когда мне зайти?

ИГНАТОВ. Завтра.

РЕСНИЦЫНА. Я зайду сегодня после обеда.

ИГНАТОВ (едва сопротивляясь). У меня доклад...

РЕСНИЦЫНА. А у меня ребята три недели бездельничают! Все. До скорой встречи. Физкульт-привет! (Уходит.)

ИГНАТОВ (схватившись за голову). Бред. Мистика. Она меня загипнотизировала! Поразительно... Просто хочется побежать и все сделать! Такого со мной уже тридцать пять лет не было!..

КАРТИНА ПЯТАЯ

Школа, класс, где живут стройотрядники. На доске бывшая голая женщина «одета» — на ней форма ССО, и она теперь похожа на Ресницыну. Общее собрание. Все сидят на кроватях, Люлин стучит вилкой по пустой бутылке из-под ситро за неимением колокольчика.

ЛЮЛИН. Тихо! Тихо! Слово для сообщения имеет комиссар нашего отряда Марина Ресницына.

РЕСНИЦЫНА (встает, по-солдатски поправляет ремень на брюках). Товарищи! Я сегодня весь день провела в парткоме и у директора. Разговаривать было трудно... Но не в этом дело. А дело в том, что нам дают работу!

НЕСКОЛЬКО ГОЛОСОВ. Ура-а!..

РЕСНИЦЫНА. Строительство склада. Там уже заканчивается нулевой цикл, мы должны возвести коробку и выполнить отделочные работы... Сроки жесткие. Но думаю, что справимся, работая без сверхурочных.

АЛЕКСЕЕНКО (у него забинтована голова). Не успеем...

РЕСНИЦЫНА. Постараемся.

БАЛАШОВ. А расценки какие?

РЕСНИЦЫНА. Расценки государственные. Ну, за выполнение работ точно в срок и на «отлично» — премия. Думаю, каждый сможет привезти домой по триста — четыреста...

Разочарованное присвистывание.

ГОЛОС. Обрадовала!..

РЕСНИЦЫНА. А что, мало?

БАЛАШОВ. У нас на строительстве бани должно получиться по полторы тыщи на нос...

РЕСНИЦЫНА. Ну, уж и по полторы!

БАЛАШОВ. Ну, тысяча. Все равно — деньги.

РЕСНИЦЫНА. Разве деньги — главное?

КОРЯГИН (зло, вполголоса). Демагогия.

РЕСНИЦЫНА. Что ты сказал?

КОРЯГИН (громко). Демагогия!.. Стал бы я из-за трехсот паршивых рублей переться в этакую даль!

РЕСНИЦЫНА. А на идею тебе наплевать?

КОРЯГИН. Опять демагогия! Сейчас не девятнадцатый год, между прочим.

РЕСНИЦЫНА. Да, не девятнадцатый. Но идеи остались прежними.

КОРЯГИН. Зато люди изменились.

РЕСНИЦЫНА. Думаешь, к худшему?

КОРЯГИН. Я не знаю, к худшему или к лучшему. Но теперь их на голую «агитку» не купишь!.. Нет, я что, против строительства? Я «за»! Сам буду строить, вот этими руками. И строю. Но не бесплатно!

РЕСНИЦЫНА. Шкура ты, Корягин, вот ты кто!

КОРЯГИН. Не твоя забота. Какой есть.

РЕСНИЦЫНА. Ладно, отвечай начистоту: куда завтра пойдешь — на склад или на свою баню?

КОРЯГИН (ухмыльнувшись). А ты как думаешь?

РЕСНИЦЫНА. Не знаю.

КОРЯГИН. Сомневаешься?

РЕСНИЦЫНА. Сомневаюсь.

КОРЯГИН. Надеешься, что побегу за тобой?

РЕСНИЦЫНА. Надеюсь.

КОРЯГИН. Не надейся. Я обещал баню в две недели построить — и я построю. Чего бы мне это ни стоило!

РЕСНИЦЫНА. Так. Отлично. (Другим шабашникам.) А вы, ребята? Куда пойдете?

Пауза.

КОРЯГИН. Ну, чего скисли? Отвечайте, раз спрашивают.

1-Й СТУДЕНТ. Ты извини, Корягин... Но я на баню не пойду. У меня уже в глазах темно от такой работы. Гори они синим пламенем, эти деньги! Мне здоровье дороже...

КОРЯГИН. Ну и катись! (2-му студенту.) А ты?

2-Й СТУДЕНТ. Я, пожалуй, тоже на склад пойду. Все — на склад, а я что — отдельно?

КОРЯГИН. Ты же сам хотел купить стереофон с колонками! Забыл, что ли?

2-Й СТУДЕНТ. Хотел... Но ради стереофона... Нет, не пойду.

КОРЯГИН. Дурак. Мямля! (3-му студенту.) А ты?

3-Й СТУДЕНТ. Я — как все...

КОРЯГИН. Ну и черт с вами! Проваливайте! Не заплачем! Мы с Ангиной вдвоем будем работать!

БАЛАШОВ. А пупочки не надорвем?

КОРЯГИН (пораженно). И ты, Брут?!

БАЛАШОВ. Нет, я чего?.. Я с тобой... Мне деньги нужны...

КОРЯГИН. Руку! (Жмет ему руку.) Видела, комиссар? Гвардия умирает, но не сдается!

РЕСНИЦЫНА. Не хорохорься, сейчас сдашься.

КОРЯГИН. Это как?

РЕСНИЦЫНА. А так. Ставлю вопрос на голосование: кто за то, чтобы исключить Корягина из отряда?

Пауза.

КОРЯГИН. Почему?

РЕСНИЦЫНА. Потому, что из стройотрядника сделался шабашником!

АЛЕКСЕЕНКО. Зачем уж так сразу-то?

ЛЮЛИН. Честно говоря, я бы тоже пока... воздержался. Пускай доработает.

РЕСНИЦЫНА. Нет! Иначе нельзя! Штаб наделил меня чрезвычайными полномочиями. То есть исключать на месте! А я, как видите, не иду на это, спрашиваю: как вы, ребята? Кто за исключение?

Медленно поднимаются руки. Среди голосующих — Габович.

РЕСНИЦЫНА (считает). Раз, два, три... шесть. Кто против?

Среди голосующих — Люлин, Балашов, 1-й, 2-й и 3-й студенты.

РЕСНИЦЫНА. Раз, два, три, четыре... тоже шесть. (Алексеенко.) А ты?

АЛЕКСЕЕНКО. Я воздерживаюсь.

РЕСНИЦЫНА. Дешёвка!

АЛЕКСЕЕНКО. А сама?

РЕСНИЦЫНА (поднимает руку). Я за исключение! Таким образом,

большинством голосов решение принято. Корягин больше не стройотрядник. А это автоматически ведет за собой отчисление из института...

АЛЕКСЕЕНКО (вскакивает). Да? Так? Тогда и меня исключай! Всех исключай! (Срывает с головы повязку, швыряет на пол.)

РЕСНИЦЫНА. Только без истерик. Тебя исключать мы пока подождем. А вот бывшего комиссара... (Смотрит на Балашова.)

БАЛАШОВ. А я что? Я выхожу на склад завтра... Раз такое дело... Ты же сразу не предупредила...

РЕСНИЦЫНА. Отлично. Тогда нет проблем. Общее собрание можно закрывать. Всем отбой. Завтра нам с утра на работу. (Уходит.)

За ней, пожав плечами, удаляется Люлин. Ребята сидят мрачные, насупленные. Алексеенко цедит сквозь зубы: «Диктаторша... Пиночетка!..»

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Комната Ресницыной. За столом друг против друга сидят Ресницына и Люлин.

ЛЮЛИН. Нет, нет и еще раз нет!

РЕСНИЦЫНА. Заразу надо вырывать с корнем!

ЛЮЛИН. Какую заразу?

РЕСНИЦЫНА. Барышничество, мещанство!

ЛЮЛИН. Кто барышник — Корягин?

РЕСНИЦЫНА. А по-твоему, не барышник? Только «деньги, деньги»!

ЛЮЛИН. Да, деньги. А ты знаешь, для чего ему деньги?

РЕСНИЦЫНА. Можно догадаться!

ЛЮЛИН. У него мать одна в деревне и сестры-близнецы по двенадцати лет...

РЕСНИЦЫНА. Что?

ЛЮЛИН. Он и в городе-то работает, как зверюга, утром и вечером дворником, ночью — сторожем. Матери шлет...

РЕСНИЦЫНА. Я же не знала ничего!..

ЛЮЛИН. Не знала, а выгнала!

РЕСНИЦЫНА. Вот что: позови мне Корягина.

ЛЮЛИН. Позвать?

РЕСНИЦЫНА. Да, надо.

ЛЮЛИН. Пожалуйста, мне нетрудно. (Уходит.)

Ресницына сжимает кулаки, бьет ими по столу от досады.

РЕСНИЦЫНА. Черт! Дура я, дура!.. Ничего не умею!..

Стук в дверь.

ГОЛОС. Можно?

РЕСНИЦЫНА. Заходи.

Входит Корягин с рюкзаком на одном плече.

КОРЯГИН. Звала?

РЕСНИЦЫНА. Уезжаешь уже?

КОРЯГИН. Уезжаю. Чего тянуть?

РЕСНИЦЫНА. На ночь-то глядя...

КОРЯГИН. Не люблю растягивать удовольствие... Ну, что надо? Последний автобус уйдет.

РЕСНИЦЫНА. Я хочу извиниться.

КОРЯГИН. Почему?

РЕСНИЦЫНА. Я не знала... Я думала... Но мне сейчас рассказали, что ты для матери... и для сестренок...

КОРЯГИН. Напрасно рассказали. Это никого не касается!

РЕСНИЦЫНА. Нет, касается! Я приняла решение...

КОРЯГИН. Решение?

РЕСНИЦЫНА. Штаб дал мне полномочия — исключать. Безоговорочно. Но я воспользуюсь ими наоборот.

КОРЯГИН. То есть?

РЕСНИЦЫНА. Безоговорочно восстановлю!

КОРЯГИН. Спасибо, но я...

РЕСНИЦЫНА. Молчи! И еще. Завтра пол-отряда пойдет вместе с тобой на строительство бани. Мы сдадим два объекта — общими усилиями!

КОРЯГИН. Ну и сюрпризы у тебя!..

РЕСНИЦЫНА. Иди, ложись спать.

КОРЯГИН. Ладно, спокойной ночи.

РЕСНИЦЫНА. Спокойной ночи, Корягин! (Подает ему руку.)

Несколько мгновений пристально смотрят друг на друга. Корягин уходит. Маруся тяжело садится на кровать, вздыхает, расстегивает куртку.

РЕСНИЦЫНА. Все... Мавр сделал свое дело, мавр может отдохнуть...

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Школа, класс, где живут стройотрядники. Над рисунком женщины в форме ССО надпись: «Да здравствует Маруся!» Все на работе, койки пусты, аккуратно заправлены. Один Алексеенко сидит на своей кровати, голова у него забинтована. Тихо играет на гитаре. Входит Ресницына.

РЕСНИЦЫНА. Здравствуй, Витя! Как ты себя чувствуешь?

АЛЕКСЕЕНКО. Привет. Лучше некуда!

РЕСНИЦЫНА. А серьезно?

АЛЕКСЕЕНКО. Я серьезно. Хотел сегодня на работу пойти — доктор не велел. Пообещал завтра выпустить.

РЕСНИЦЫНА. Вот и отлично. А то я чувствовала себя виноватой все время.

АЛЕКСЕЕНКО. Чепуха. Это я во всем виноват. С этой свадьбой...

РЕСНИЦЫНА. А что? Неплохая была идейка. Свадьбу мы сыграем обязательно.

АЛЕКСЕЕНКО (заикаясь от неожиданности). С-свадьбу?

РЕСНИЦЫНА. Да, свадьбу.

АЛЕКСЕЕНКО. Ч-чью с-свадьбу?

РЕСНИЦЫНА. Мою и...

АЛЕКСЕЕНКО. Т-твою и...

РЕСНИЦЫНА. Мою и Корягина.

АЛЕКСЕЕНКО. И Корягина?!

РЕСНИЦЫНА. Да.

АЛЕКСЕЕНКО. Он что, сделал тебе официальное предложение?

РЕСНИЦЫНА. Пока еще нет. Он об этом вообще не догадывается. Но ты же меня знаешь: если я поставила перед собой цель...

АЛЕКСЕЕНКО (дотрагивается до бинтов). Да... Я тебя знаю...

РЕСНИЦЫНА. Так что предлагаю быть тамадой за праздничным столом. Думаю, что с этой ролью ты справишься отлично.

АЛЕКСЕЕНКО. Постараюсь... Каждый человек должен быть на своем месте. Даже во время свадьбы.

РЕСНИЦЫНА. А уж во время свадьбы особенно!..

Садятся и поют вместе песню.

СОДЕРЖАНИЕ

Авария 2
Манная каша 4
Преступление на Смокинг-стрит 5
Ноктюрн в половине двенадцатого 6
«Хычник» 8
Лампочка Эдисонова 9
Подросток: куда и откуда? 10
Таня и бычок 12
Разрешите не согласиться! 13
Скважина 14
На водах 16
Тайна Онуфрия 17
Отелло 82 19
Маска, я тебя знаю! 24
Да здравствует Маруся! 29

МИХАИЛ ГРИГОРЬЕВИЧ КАЗОВСКИЙ

МАСКА, Я ТЕБЯ ЗНАЮ!

Редактор А. И. Ходанов

Техн. редактор С. М. Вайсборд

Сдано в набор 28.12.82 г. Подписано к печати 03.03.83 г. А 02667. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,97. Тираж 75 000. Изд. № 1067. Заказ № 3732. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.